

Редакция газеты поздравляет наших читателей и авторов с наступающим Новым, 2010 годом!

Итоги года

Рейтинг «Интеллекта»

Вот и подведены итоги первого рейтинга по авторским работам, которые были опубликованы за первый год выхода нашего издания. Мы вкратце расскажем, как проводился этот рейтинг и какими оценочными критериями пользовались. Возможно, эта статья для некоторых станет откровением, кроме того, статья может активно обсуждаться читателями и авторами. Притом любое лицо может обратиться в редакцию с предложениями об улучшении оценочных критериев для более точного и объективного определения мест.

Надо отметить, что идея вывести такой рейтинг возникла потому, что нашими писателями и читателями стали люди как из северных регионов страны, так и самых южных ее окраин, которые находятся, в основном, между Белым и Черным морями, то есть в Европейской части России.

Уже с первых выпусков газеты мы стали получать отзывы на авторские произведения. С появлением газеты в регионах количество отзывов увеличилось. Часть из них была опубликована.

Но мы хотели систематизировать оценочный критерий не только произведений, а и самих авторов. Прежде всего потому, что у одних авторов было малое количество опубликованных работ, но их работы были достойны отличных оценок. У других публикаций (и тоже отличных) было больше и, естественно, их большее число раз и отмечали. А это создавало ложное представление о том, что автор, имеющий максимальное количество произведений имеет и лучшее качество. Например, больше всех рассказов было у Алексея Ильина, публицистики - у Пашкова Сергея, а потому казалось очевидным их, так сказать, «первенство» в этих номинациях. Когда было принято решение вывести этих авторов из состава участников оценочного рейтинга, то за ними следовало вывести и всех остальных членов редакционного совета, во избежание к ним предвзятых суждений. То есть, в этом рейтинге не приняли участия все, кто связан редакторским обозначением, а это еще Федор Паньшин, Андрей Сунгуров, Анатолий Иванов. И хотя «неудобных» нюансов всё же полностью не удалось избежать, то у авторов даже с одним достойным произведением появился реальный шанс занять в рейтинге высокое место за лучшее произведение. Так, названия «лучшее произведение» в жанре поэзии досталось стихотворению «Расскажи мне Россию по-русски» (автор Любовь Иванова), хотя в общих оценках других её работ и её, как автора, не было высоких оценок. Но названное стихотворение особо отмечалось многими читателями. Надеемся, что на этом примере читателям (в т.ч. авторам) теперь станет понятным несоответствие рей-

тингов произведений и авторских рейтингов в номинациях.

Были неожиданные повороты в оценках авторов и работ. К примеру, стихи Фаины Вольной, уже положенные на музыку, принимались читателями-слушателями на «ура», а вот без музыкального сопровождения их... не воспринимали... Парадоксальнее остальных были оценки стихов Юры Иоффе: от негативных выпадов до восхищения. Это естественно, ибо давно замечено, что направление в стиле футуризма, как правило, воспринимается неоднозначно. И поскольку у нас печатались работы совершенно разные по стилю и жанру (детские стихи и лирические, патриотические и басни), то и сравнивать, тем более оценивать эти работы, было сложно. Но мы идём к тому, что в скором времени можно будет отдельно оценивать произведения строго по жанрам и авторам. Для увеличения поступления в редакцию большего количества интересных произведений мы расширяем представительства и налаживаем новые контакты с талантливыми русскоязычными авторами из регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, избегая при этом явных авторских пристрастий: религиозных, политических, расовых, национальных и пр.

И немного об оценках и рейтингах. К сожалению, выявилась предвзятость в оценках, складывалось впечатление, что некий ценитель давал баллы работам именно своих приятелей (коллег-писателей), либо оценивал только свой регион, «не замечая» при этом работ других авторов. Более того, когда сочинители в качестве читателей отмечали произведения коллег, их оценки носили искренний характер. Но как только являлась необходимость этим писателям-сочинителям в качестве авторов оценивать работы коллег и... самих коллег, которые тоже участвуют в рейтинге, то оценки... резко поменялись! Можно сказать, что началась борьба определенных авторов за высокое место, которое означает и высокий рейтинг!

С одной стороны нас порадовало, что появился рейтинг. Однако... предвзятость в оценках, естественно, радовать не могла, хотя некоторые авторы оправдывали своё поведение естественной борьбой – материальной выгоды, дескать, этот рейтинг им лично не давал. Может быть, такая «стратегическая тактика» есть... «особая» разновидность состязательности в словотворческой среде, но нам это... не особо понравилось по этическим соображениям, и поэтому из редакционного совета газеты было выбрано представительное жюри, которое ушло все эти и многие другие критерии и рейтинги и... утвердило рейтинги окончательные!

Поздравляем всех авторов, которые у нас публиковались, потому что, так или иначе, их

лично или их работу отмечали! Хотя некоторые авторы и некоторые произведения имеют отрицательный коэффициент, но опрос показал главное: нас читают, о работах рассуждают, и газета вызывает интерес.

Итоги рейтинга - «От Белого моря до Черного моря»

Лучшие авторы стихов

1. Марк Луцкий – г. Хайфа, Израиль
2. Ирина Дружаева – г. Городец, Россия
3. Павел Тужилкин – г. Ниж. Новгород, Россия
4. Олег Мошников – г. Петрозаводск, Россия
5. Михаил Зевеке – г. Городец, Россия
6. Дмитрий Гордиенко – г. Петрозаводск, Россия
7. Анна Власенко – г. Костомукша, Россия
8. Ольга Овечкина – г. Костомукша, Россия
9. Ольга Бурьгина – п. Чупа, Россия
10. Сергей Аболмазов – г. Краснодар

Лучшие стихи

1. «Расскажи мне Россию по-русски» – Любовь Иванова, г. Костомукша, Россия
2. «На лавочках Хайфы» – Марк Луцкий, г. Хайфа, Израиль
3. «Трудный выбор» – Ирина Дружаева, г. Городец, Россия
4. «Ода родному языку» – Павел Тужилкин, г. Нижний Новгород, Россия
5. «Игрушки. Читая Ахматову» – Олег Мошников, г. Петрозаводск, Россия
6. «Апрельский поцелуй» – Татьяна Дунаф, п. Ледмозеро, Россия
7. «Весеннее настроение» – Валентин Алексеев, г. Санкт – Петербург, Россия
8. «Осенняя элегия» – Вероника Фролова, г. Городец, Россия
9. «Несостоявшийся памятник» – Владимир Кашин, г. Городец, Россия
10. «Саженец» – Эдуард Фишер, г. Хайфа, Израиль

Лучшие авторы прозы

1. Игорь Монаков – г. Петрозаводск, Россия
2. Иван Мазилин – г. Москва, Россия
3. Ирина Дружаева – г. Городец, Россия
4. Татьяна Дунаф – п. Ледмозеро, Россия
5. Терентьева Аниса – г. Костомукша

Лучшие рассказы

1. «Неправильная сказка» - Иван Мазилин, Москва, Россия
2. «Ветерань» – Игорь Монаков, г. Петрозаводск, Россия
3. «Мы теперь уходим понемногу» – Татьяна Дунаф, п. Ледмозеро, Россия
4. «Весенняя дрема» – Ольга Аксенова, г. Москва, Россия
5. «Колодезный журавль» – Ирина Дружаева, г. Городец, Россия

Лучший публицист

1. «Одинокий путь творца» – Марина Мартынова, г. Краснодар, Россия
2. «Временем непокоренный» – Владимир Шнюков, г. Костомукша, Россия
3. «Волею судеб» – Андрей Носонов, г. Краснодар, Россия

Лучший журналист - интервью, беседа, очерк

1. «Счастье – это возможность творить» – Ольга Индюкова, г. Костомукша, Россия
2. «С Родиной в сердце» – Карен Агамирзовев, г. Костомукша, Россия
3. «В толпе я такой же прохожий» – Владимир Шнюков, г. Костомукша, Россия

Этюд от Нatalьи Губаревой

Алтай, г. Белокуриха

Приди ко мне, найди меня,
мой добрый нежный принц.
Тебя ищу я, лишь тебя
среди сотен тысяч лиц.

Я к вам бегу, с судьбою споря,
Я с вами встретиться хочу.
Я сердца вашего пароли
Узнав, к вам ключик подберу.

Конкурс

Конкурс детского литературного творчества «ПРОБА ПЕРА»

Задача конкурса - выявление начинающих авторов, поддержка, пропаганда их творчества и содействие росту.

Тема конкурса – «Зимняя карусель»

Номинации – дети до 12 лет, подростки от 12 до 16 лет

Подноминации – проза и поэзия

Условия участия – юные авторы представляют на конкурс:

1. фото и заполненную анкету:

1. Фамилия, имя
2. Возраст, класс
3. Место проживания и учебы

2. Творческую работу: прозаическую ми-

ниатюру (объём до 2500 знаков WORD) или стихотворение (объём до 24 строк).

Каждый автор может принять участие в любой подноминации, выставив ОДНУ работу в каждой.

Сроки проведения – с 01.01.10 по 10.02.10

Приём работ – до 10 февраля

Работа жюри – до 28 февраля

Объявление результатов – 1 марта

Работы-победители будут напечатаны в специальном выпуске газеты «Провинциальный интеллигент 1» в марте.

Работы присылать с прикрепленными файлами на адрес: provint@yandex.ru

Татьяна

Владимир Люльчак

Князь Лисовский (по женской линии).
Писатель, журналист, политтик.
Автор ряда художественных и публицистических книг.

Руководитель издательства «Другая галактика», издатель газет «Современная литература» и «Строительство в Подмосковье». Лауреат медали Ф.М. Достоевского «За красоту, гуманизм и справедливость», член союза журналистов России, член международного союза писателей «Новый Современник».

- Скажите, каково быть князем, потомком знаменитой фамилии в наше время. Дает ли это возможности, накладывает, какие-либо обязанности?

- Если сказать честно, то в таком ракурсе я никогда не задумывался. Мне кажется, что права или обязанности не определяются сословным происхождением. Тем более, что при отсутствии у нас в стране на протяжении длительного периода института сословий, говорить о какой-то «высшей значимости» аристократии я не вижу смысла. Титул – это как медаль деда. Гордость за предков, заслуживших право носить титул, которые приняли на себя бремя ответственности к этому титулу прилагавшиеся. Гордость за предков, служивших своей стране, достаточно хорошо и верно, чтобы потомки могли гордиться ими. Для нас (их потомков) титул ни в коем случае не повод задирать нос и считать, что лишь благодаря своему происхождению ты что-то значишь в этом мире.

Права и обязанности (а также свой уровень отношения к жизни) мы определяем себе сами. Еще дед учил меня тому, что не нужно придавать большого значения «высоте» чьего-либо положения. «Все мы люди», - говорил он, - «все ходим в баню и, помывшись, вытираем лицо и задницу полотенцем». Мать также учила воспринимать себя и других по уму и уменю, а не по чванству и назначению. Так что сословных откровений на тему «высшей ответственности» вы от меня дождетесь вряд ли. Каждый человек сам определяет свою планку, соответственно которой живет. И если я порой уделяю больше времени проблемам государственного масштаба, чем положено простому смертному, то тут не происхождение виновато, а характер и воспитание.

- Сегодня модно говорить о том, реализовал ли себя человек профессионально. Как вы считаете, реализовались ли в какой-либо профессии?

- Думаю, да. И не раз. Первой и основной своей профессией считаю педагогику. Преподавал в школе 11 лет. Очень нравилось, и, главное – получалось. Многие мои ученики до сих пор пишут мне письма, вспоминая про то, «как мы все вместе...». Работая в школе, я получал огромное удовольствие от работы. До сих пор считаю, что дети в силу своей непредвзятости, во многом умнее взрослых.

Вторая профессия – журналистика. Также замечательная профессия. Правда, от нее устаешь больше. Потому, наверное, добившись определенного профессионального признания, получив пучок грамот и дипломов, узнаваемость и корочки «члена», я перестал считать ее «основной» и двинулся дальше...

Третья профессия – рекламщик, писатель, издатель, то, чем я занимаюсь сейчас. Я думаю, – это результат, некая совокупность не только профессиональной, но и личностной реализации. Даже не профессия, а способ подведения итогов и подготовка плацдарма для будущего роста.

- Около года назад вы, совместно со Златой Раповой, решили издавать газету «Современная Литература». Как родилась идея?

- Изначально проект замыслился мной как чисто коммерческий. Если есть люди, которые хотят печататься, и есть люди, которые хотят их читать, то наверняка есть и рекламодатели, которые готовы платить за то, чтобы информация о них дошла до читателей нашей газеты. А если учитывать, что газета распространяется (пусть и не столь большим тиражом) почти во всех странах мира, то некий резон в начинании был.

Семья для меня всё

К сожалению, мировой финансовый кризис, и планы пришлось сильно скорректировать.

Несмотря то, что изначально идея была моя, газета «Современная литература» существует в большей степени благодаря усилиям Златы Раповой. Типично мужской шовинизм – затеять «проект века», а потом, ничтоже сумняшись, свалить на хрупкие женские плечи. Коня взмыленного, избу горелую... «прошу Вас, графиня, не побрезгуйте!» И графиня – ничего так – справляется!

По моему мнению, Злата – образец аристократизма. Чистота помыслов, огромная работоспособность, всесторонняя образованность и просто человеческая душевная красота. Наверное, потому к ней и люди тянутся.

- Ваша партийная и религиозная принадлежность?

- Как ни странно звучит в наше время, я член «Единой России» – по убеждениям. Причем, вступал я еще в «Единство» (к Шойгу) задолго до того, как объединившись со «Всей Россией», партия стала «Партией власти». Тогда перестройка, бардак, в политике – клоуны. Стране нужна была цементирующая структура. И она постепенно была создана. В свое время я, в силу профессиональной принадлежности, тоже приложил руку к нескольким избирательным компаниям «единороссов».

По религиозным убеждениям я – язычник. Это не веянье времени. Еще мой дед Игнатий Лисовский был вестником. Правда, он не настаивал, чтобы я также исповедовал эту религию. Но постепенно, постигая мир, я сам пришел к этому. У политиков есть пословица: «чем больше твоя душа, тем больше Богов может в ней отразиться». И как только я почувствовал, что вижу мир более чем с одной точки зрения, то понял – иду по стопам деда. На самом деле та часть Беларуси, откуда пошел наш род, несмотря на близкое соседство католической Польши и православной Москвы, очень долго оставалась языческой. Так что, тут ничего удивительного, вера моих предков. Вера, утверждающая уникальность человеческой личности, самобытность народа-носителя веры и патриотизм как единственно-возможную форму сосуществования человека и его страны.

- Если коснулись вопроса патриотизма, то скажите несколько слов о национальной политике. Что такое национализм? Хорошо-плохо, нужно или не нужно?

- Национализм – это слабость, выражаемая в попытке ограничить проникновение чужой культуры в свой мир. Может выражаться в агрессии. А патриотизм язычника всегда основан на дружелюбии. Я любого инородца приму как родного, если он станет мне родным, то есть примет мою культуру и культуру моей страны как главную для себя. Если же человек, войдя в мой дом, начинает устанавливать свои порядки, то тогда не я, а он – националист, и дать отпор – моя святая обязанность. У меня много друзей разных национальностей, и это нормально. Россия – многонациональная страна. Язычество – идеальная религия для многоукладного государства. Любой язычник, встретив на своем пути человека или народ (верший в иных, чем он, Богов), только прирастает пантеоном, принимая новую культуру, религию, философию, становится богаче духовно и культурно. Для язычника «иноверие» не является и никогда не являлось поводом к религиозной войне.

- Почему сегодня в России не ведется борьба с разными провокаторами, которые только тем и занимаются, что «подкидывают дров в костер» недоверия между Россией, бывшими республиками СССР?

- Зря вы так. Провокаторов душат. Другое дело, что не всякого мерзавца можно и нужно уничтожать физически. Существует закон, регламентирующий степень наказания за те или иные правонарушения. И закон нужно уважать. К тому же есть практика, что если оторвать голову мерзавцу, пытающемуся разрушить нашу Родину, то он может стать «флагом», «жертвой ужасного геноцида», и поэтому некоторое г...о лучше не трогать. Относительно «властей», то, уверяю вас, ведется огромная работа по защите Родины от подобных мерзавцев. Другое дело, что Россия сейчас находится в глубокой обороне. Технологию ведения информационных войн, создания впечатления волнений народных масс и формирование общественного мнения наша страна освоила гораздо позже той же Америки.

У СССР были хорошие идеологи-рекламщики, но вся их работа была направлена «вовнутрь», а у американцев «наружу». В общем, и те и другие «управляли» мозг советскому народу, медленно превращавшемуся в «дорогих россиян».

Сейчас, наблюдая за информационной возней, порой замечаю вполне виртуозные плюхи, прилетающие с нашей стороны. Так что работа идет. Подучимся, и будет идти еще лучше. Ведь защищать Родину (и в информационной войне тоже) – священный долг каждого человека.

- Что значит семья в вашей жизни?

- Семья для меня всё! Во-первых, жена Наташенька (урожденная баронесса Фон Раух). Умница, красавица, любимая, друг, соратник. Можете уже начинать завидовать. Во-вторых, дочь – Россия (Руся), хитрый маленький головастик, непрерывно пытающийся стать главой нашей семьи. В-третьих, я. Тоже ничего себе. Альфа-самец, отец семейства. К февралю, слава Богом, ждем еще «пополнение».

По моему разумению, семья – главное в жизни человека. Основа, причал, якорь человека в переменчивом мире. Люди, которым ты дорог. Если есть семья – со всем остальным легко можно справиться.

- В последнее время вы активно заняты поисками места под строительство дома в сельской местности. С чем это связано: устали от столичной суеты, нужно место для творчества, или ?..

- Просто хочу иметь нормальный деревенский дом, недорого и красиво. Жена уже второго ребенка ждет, и я хотел бы не последнего. А природа – лес, поле как раз и есть то место, где лучше всего подрастает молодому поколению. Растущей личности простор нужен. Психология человека, она ведь и от географии тоже зависит. Вот вышел ты на улицу, взглянул в сторону линии горизонта. И что ты видишь? Простор? Значит и отношение к жизни (внутренние горизонты) у тебя широкими формируются. А если твой взгляд с детства уперт в бетонную коробку стоящего напротив дома, то и мечты твои в жизни ограничатся захватом должности старшего менеджера в крупной компании.

Хочу, чтобы дети «земли понюхали». При «советах» всех наших, кого не расстреляли – в Красноярский край сослали. Так что я в деревне вырос, в Сибири. И мне, что огород возрастать, что корову подоить – все сподручно. Не знаю, как сейчас, а лет двадцать назад я не хуже зоотехника мог любой первотелке разродиться помочь. Она ж – дура еще, ничего не умеет (особенно если таз узкий)! Вот так и снимаешь халат, засовываешь руки прямо туда и разворачиваешь телёнка как положено, чтобы мордочка и копытца передние вперед шли. А потом, если вперед и вниз потянуть, то теленок сам, как по маслу, выскокит.

Я и на лесоповале с 15 лет работал, считай, до самого момента, как в армию пошел. И в совхозе на сеялке. Да и после армии тоже: и рыбаком на севере поработал, и проводником в Саянских горах. Вот и дети мои хочу, чтобы тоже не червячками асфальтовыми выросли. Домик в деревне к тому – первый шаг.

- Как вы считаете, можно ли воспитать младое поколение более добродетельным и нравственным, чем сейчас?

- Я думаю, что невозможно. Что такое нравственность? Это совокупный опыт общества, представляемый отдельному индивидууму в рафинированном виде как «правила поведения». А так как у нас в стране появилась традиция периодически отказываться от опыта предков, то я не думаю, что найдется человек, который внятно сможет сформулировать правила нравственности для современного россиянина. Христиане отменили «нравственность язычников». Большевики отменили «нравственность царизма». Демократы отменили «нравственность большевизма». И? Что осталось?

Набор иррациональных запретов, перемешанных с десятком пошло-заумных фраз о вреде доброго секса? Два-три ритуальных способа благотворительности?

Простите, но для того, чтобы кого-либо воспитывать, этого катастрофически мало.

Я думаю, что сегодня задачу нужно ставить немного по-другому. Прежде, чем пытаться учить молодежь, нужно определиться с тем, что есть общество, что есть нравственность, приемлемая и необходимая для существования нашего общества.

Сегодня в нашей стране сосуществует множество разных моралей. У старшего поколения – одна, у среднего – другая, у младшего – третья. Различные общественные и религиозные организации также вырабатывают свою, «ведомственную», мораль.

Какую из них взять за основу? Я не знаю. Могу сказать только то, что из всех учебных пособий по данному предмету мне кажется наиболее честным, не ангажированным и более-менее равномерно охватывающим все сферы жизни человека, учебник для средней школы «Азбука нравственности» под редакцией Эраста Павловича Козлова. (Спрашивайте в магазинах города-прим. ред.). В этом учебнике есть и уважение к старшим, и забота о младших, и любовь к труду.

- Что бы вы пожелали читателям и писателям нашего издания в новом 2010 году?

- Того же, чего и в любом другом. Писателям: чтобы им было что сказать, и они не боялись это делать. А читателям: ясного взгляда и светлого мозга, чтобы легче усваивалось то, что говорят им писатели.

Беседавал Сергей Пашков

Танцы

Утро.

Открываю глаза, вижу – на экране робко (но воодушевленно) изгибаюсь шупленьким тельцем, танцует девочка. Танец восторга. Хорошая режиссура. Ее партнер – известный политик, которому она преподносит цветы, чинно вырисовывает танец благодушия, мудрости и заботы. По-моему, грубовато, мало сценического вкуса и искренности (а еще говорят, что у них хореографы «что надо»).

Зевнув утреннему солнышку, иду в ванную. Бреюсь, заодно выполняю перед зеркалом несколько разминочных па: «радость встречи», «строгость», «понимание», «дружба». Неплохо. Рефлексы в порядке.

Выхожу. На скамейке возле подъезда танцует бабка. Она всегда здесь танцует. Давно никому не нужная (детям, внукам, самой себе...), она танцует танец доброй мудрости, понимания, легкой грусти.

Двор. Остановка. Автобус. Кондукторша. О-о-о-о, кондукторша – это сложный танец: для одних – гордая неприступность, другим – секс (стрип?), третьим – равнодушные. Мастер.

На работе короткий, привычно-неуклюжий танец коллективного дружелюбия и нарочитой деловитости. Ритм медленный. Танец примитивный, несколько однообразных движений. По сути – скучно, по эстетическому восприятию – убого, но в качестве штрихов к общей композиции пойдут. Расслабляемся.

Секретарша шефа: удивительная способность сочетать стриптиз с «танец-ретранслятором» настроения шефа (сам он танцует только перед вышестоящими).

При ее появлении ритм «нарочитой деловитости» ускоряется.

Вновь улица.

Синхронно-разрозненное движение. Синхронно-блоками: «продам», «спешу», «посмотри на меня», «достали». Разрозненно: «считаю, что «так как я» – лучшее».

Немного выбивается из общего ритма нелепо машущий конечностями тип. А-а-а, понимаю – это «танец правды». Движения хаотичны и немного эстетический вкус окружающих. Фу! Но от этого никто не застрахован, ведь правда – это то, что осознают «вдруг» (отсюда некоторая растерянность). Четкость движений придет позже, тогда, когда «правда» превратится в «обыденность». А если ты мастер – в «красивую обыденность».

Вот как у этого – нарочитый хаос движений, но присмотришься – как тонко выводит свою партию. «Танец с призывом бросить танцевать». Красиво. Духовно.

Иду к друзьям. Приятно. Взвзвись за руки пляшем: «искренность», «дружелюбие к себе подобным» и «презрение к тем, «кто еще не понял»».

И, наконец – Ты.

О-о-о!

Это танго.

В конце несколько па благодарности.

Что для нас главное?

Главное то, что все мы понимаем, что это всего лишь танцы. И это высокобождает, придает движениям особую красоту и гибкость.

К чему мы стремимся?

Конечно, к тому, чтобы стать лучше. Еще лучше. Еще лучше...

Равнение на лучших танцоров!

Мы – эстеты и знаем толк в этой жизни. Мы?

Кто – «мы»?

Глупый вопрос, ведь даже ребенок знает, что мы...

МЫ И ЕСТЬ - НАШИ ТАНЦЫ!!!

Владимир Люльчак

Наше представительство в США

Лана Райберг
Родилась в Минске. Закончила художественно-графический факультет Витебского пединститута. Работала воспитателем в детском саду, маляром, чертёжницей, художником-оформителем в строительной организации, дизайнером на телевизионном заводе, преподавателем декоративно-прикладного кружка в Доме Культуры железнодорожников. Была внештатным корреспондентом газеты «Витебский Курьер». Эмигрировала из Витебска в США в 1992 году. В совершенстве овладела работой горничной и сиделки. Училась в Филадельфийском университете. Живёт в Нью Йорке, работает в системе школьного образования. Занимается живописью и графикой. Является членом Лондонского Объединения Художников Воображения и Бруклинской Ассоциации Художников. Состоит в Клубе Писателей Нью Йорка. Автор альманахов эмигрантской прозы «Побережье», «Арена», «Пилигрим», «Стороны Света». Изданы сборники рассказов - «Картонная Луна», «Олежкины истории», «Кризис Жанра», роман «Записки Провинциалки». Проиллюстрировала стихи Людмилы Таймасовой, книгу Александра Волковича «Беловежские сны»

Старуха

Вначале был Голос-резкий, визгливый. Голос перебивал шум оживлённой улицы. Здесь, на Вест Бродвее, довольно таки шумно- толпы прохожих, оживлённое движение. Но гул города ровен и привычен, он похож на морские волны, ритмичные и успокаивающие. Правда, иногда поднимается особая высокая волна- когда продирается сквозь вечный затор машина скорой помощи или с рокотом и визгом проезжают мотоциклисты. Голос этот походил на сирену «скорой помощи», он возвышался над всеми остальными звуками, резал ухо и нарушал гармонию весёлой уличной суматохи.

Две женщины, рассматривающие мои рисунки, вздрогнули, положили их обратно на столик и, как по команде, повернули головы в ту сторону, откуда доносился шум. Там определённо что-то происходило.

На пересечении Вест Бродвея и Принс стрит получилась воронка, которая втягивала в себя всё большее и большее количество участников, зрителей и зевак.

Абсолютно все прохожие оставили свои занятия-оторвались от созерцания витрин и выставленных на улице дисплеев художников, вышли из магазинов, равно как и продавцы, и образовали концентрические круги, опасливо держась на безопасном от эпицентра расстоянии. Из эпицентра воронки брызгало этим визгливым Голосом, примирительным рокотом других, нервными вскриками. В воздухе разрасталась агрессия, страх, любопытство и нервозность.

Тайфун приближался. Природа его была ещё непонятна. Ясно было одно- как когда-то написал Михаил Булгаков, назревал гнусный, свиный, соблазнительный скандал.

Я, бросив без присмотра вещи- возможных покупателей словно смыло волной, отправилась к эпицентру скандала. Пришлось пройти, как сквозь полицейские кордоны, через несколько кругов зрителей. Источником нестерпимого визгливого звука оказалась сухая жилистая старуха.

(Позабуду на время об уважении к старшим и не буду лукавить, называя возмутительницу покоя пожилой женщиной)

Несмотря на то, что она была одета просто- в фиолетовую маечку с коротким рукавом и серые коротковатые брючки, чувствовалась, что она богата. Ей явно около восьмидесяти - отвисшая шея, седые волосы. Лицо хранит следы былой красоты. Избитая фраза, но я сразу почувствовала, что она была красавицей, причём богатой и явно обладающей властью. Белая-белая кожа ещё натянута на высоких скулах, длинные пальцы украшены аккуратным маникюром.

Старуха была разъярена. Когда-то стройная, сейчас она была согнута и опиралась на гладко отполированную трость с металлическим наконечником. Так вот, вопя во всё горло, старуха палкой сшибала со стендов художников картины, смахивала со столов разложенные на них холсты и рисунки. Перед ней прыгало, разведя руки в стороны, Грэг, пытаясь защитить добро и успокоить фурию. За его спиной маячило растерянное лицо Джоса.

Джос, худой, в очках китаец, напоминающий советского физика-лирика- шестидесятника, на своих картинах изображает влюблённые парочки, с по-лебединому выгнутыми длинными шеями. Парочки держат в руках такие же искривлённые длинные бокалы с вином.

Мы с подружкой дали китаючку кличку-Пьяные Рюмки.

Пьяные Рюмки был бледен и растерян, он криво улыбался и суеился, закрывая костлявой спиной с пузырящейся на ней голубой рубахой холсты.

Наконец мои уши настроились на частоту старушечьих воплей, и я стала различать слова.

Китаец!- кричала она. - Китаец! Пошёл вон из Нью Йорка! Что ты делаешь в этом городе! Этот город не для тебя! Развели тут бардак!

Устроили Канал Стрит на Бродвее! Нью Йорк для нью-йоркцев! Пошёл вон в свой Китай!

Грэг- его место обитания возле грузовика, на котором сидят металлические рабочие

(Грэг продаёт уменьшенные копии фигур и взимает небольшую плату за возможность сфотографировать эту примечательную скульптурную композицию. В этом смысле ему повезло больше Остапа, не долго продававшего вид на малахитовую лужу)- ласково уговаривал хулиганку и, не причиняя той вреда, отсеснял её от столов, не позволяя производить разрушения.

Старуха оставила в покое рюмки и двинулась к следующей жертве. Толпа колыхнулась следом, оживлённо

внимая перипетиям. Сейчас эпицентром внимания стал испаноязычный художник. Бормотания Грэга я почти не слышала. Грэга мы называем Боссом- за его готовность придти на помощь, за его бесстрашие и дотошное знание Конституции. Всё это не раз позволяло ему выходить победителем в схватке с владельцами магазинов и галерей, периодически нападающих на уличных художников.

Происходило бы дело в России - двинули бы бабку пару раз и все дела. Здесь - попробуй тронь пожилую женщину, не оберёшься неприятностей - и по судам застаскают, и штраф заставят платить. Вот никто и не хочет связываться. А как успокоить старуху, тоже никто не знает.

Следующей была я. Сжав кулаки, я приготовилась защищать свой столик и право стоять здесь, на улице. Но в тот раз битвы не произошло. Мы столкнёмся, и не раз, но позже. Старуха частично выйдет победительницей. Чтобы избежать контактов с ней, я покину обжитой участок и перейду в другое место.

Тогда же, оперев край клюки в мой стол, она грозно спросила: «Ты американка?»

«Иййесс»,- процедила я, и она почему-то сразу потеряла ко мне интерес, и через минуту вопли возобновились с новой силой - старуха лупила палкой портреты чёрных баскетболистов.

Милый и стеснительный афроамериканец Росс оттолкнул её. Старуха стала иступлённо молотить палкой, пытаясь ударить парня. Грэг её еле удерживал. В толпе стали кричать: «Полицию! Полицию!»

Послышалась сирена «скорой помощи». Улица походила на взбудораженный муравейник. Из останавливающихся автомобилей глядели водители, из ресторана напротив подошли любопытные. Стало понятно, что сегодня уже ничего не купят. Я стала собираться домой.

Когда я полностью упаковалась, крики наконец стихли. Злой, как чёрт, Росс разговаривал с полицейскими. Свидетели давали показания. Старуху держали за руку два медика. Рядом стояла машина «скорой помощи». Медики ласково уговаривали хулиганку поехать с ними, мол, они ей помогут успокоиться.

Старуха выглядела милой, интеллигентной, несправедливо обиженной женщиной. Она всхлипывала и повторяла: «Я не могу этого переносить, не могу!»

Её увезли в больницу, а Россу выписали штраф. Оказывается, по закону он не имеет права применять силу по отношению к пожилому человеку, даже защищаясь, а должен был вызвать полицию.

Впоследствии я убедилась, что вредная старуха испытывала своего рода симпатию к Грэгу, и только он мог вступить с ней в диалог. Остальных она не слышала, не слушала и не щадила. Её называют сумасшедшей, но я бы этого не сказала. Она прекрасно знает, чего хочет, контролирует свои действия, знает о безнаказанности. Мне кто-то рассказал, что у старухи - влиятельный сын, приближённый к мэру города. Десять лет назад сын возглавлял комитет по борьбе с уличными художниками, а мать была его первой помощницей. Вот и сейчас, как может, она выполняет свою миссию - мешать художникам продавать картины на улице.

Наступили холода. Лишь самые стойкие из художников продолжали на улицах Сохо внедрять искусство в массы, но я не входила в их число.

Всю зиму меня преследовал образ воинственной старухи. Мне снилась плачущая художница-полячка, которой старуха прокусила палец. Художница плакала, боясь спиды, показывала залитый флаконом духов кровотокающий палец полицейским. Полицейские сочувствовали, беспомощно разводили руками и советовали обратиться в госпиталь. Старуха же к тому времени успела ушмыгнуть, раствориться в толпе.

Мне снились ледяные, полные злобы, змеиные её глаза. Как-то я пыталась с ней поговорить по-хорошему, но отступила, раненая бессмысленной злобой оппонентки.

За зиму воинственная миссионерка постарела и ослабла. Первый же её выход в апреле на тропу войны закончился водворением в обезьянник в полицейском участке на три часа, и этого оказалось достаточным, чтобы сломить её дух. Она перестала показываться и мы все вздохнули с облегчением.

Вскоре кто-то из художников принёс весть, что Старуха ослепла, окончательно и бесповоротно. Её видели в Вашингтон Сквере, в обществе сиделки.

Скрюченная жалкая старушка сидела на лавке, с опаской прислушиваясь к телефонной болтовне своей смотрительницы - грудастой горлоподобной чернокожей женщины.

Я хотела зло порадоваться, но почему-то не смогла.

Лана Райберг

Валенки

- Мам, ты чего шьёшь? - из-за плеча спросил Владимир.

- Бурки простегала... дошиваю, - не отрываясь от машинки, ответила Лизавета. Сын вышел из материнной каморки, раздражённо скривился:

- Фуфайка, фартук, - загнул пальцы, - душегрейка, бурки... Ну чего ты опять взялась барахло шить, а? Мам? У тебя что - одеть-обуть нечего?..

Владимир подошёл к большому шкафу, резко открыл:

- А для кого я всё это покупаю, ты не скажешь?.. Эти костюмы, жилеты, шарфики... - Он посмотрел на мать. - Для кого с гастролей каждый раз привожу?.. Уже шифоньер ломится от твоих вещей.

Сын нервно заходил по комнате. Перебивая треск машинки, заговорил опять:

- Бу-урки она шьёт!... - Он вытащил из коробки изящные сапоги на каблук, потряс. - А это что по-твоему?

Лизавета искоса глянула.

- Ну оденься ты хоть раз по-человечески! - распаялся Владимир. - Мне же от людей стыдно! - У артиста такая зачуханная мать... Посмотри, на кого ты похожа. Зимой и летом - одним цветом: фуфайка, юбка до пят, бурки с галошами, драная шаль. - Владимир забросил сапоги в шкаф, процедил: - Хм...седины-то нормальной... благородной... и той нет. Не поймёшь, какого ты цвета. Ни причёски не делаешь, ни волосы не покрасишь. Вечно ходишь как эта... - он запнулся.

Лизавета удивлённо повернулась:

- Хорошо, сынок, мать полощешь...

- Чего - «полощешь»? Не правда что ли?.. Вон у Розалии Никандровны... всё при ней - и вид, и стать. - Владимир поднял указательный палец. - Же-енщина! Дама! А ты... - сын безразлично посмотрел на мать, отвернулся. Та, раскрасневшись, согласно кивала, молчком перебирая ногами широкую педаль: «Правильно... так меня...»

Сын понизил голос:

- Я же не могу из-за тебя приличную девушку привести. Как ты этого не понимаешь, а?

Высказав наболевшее, Владимир скрылся в своей комнате, хлопнул дверью. Вскоре послышался его баритон: «Ммм... Ммма-а-а... Ммо-о-оо... Ми-а-аа-а-а-а-а-а...»

«На концерт собирается... - Лизавета встала из-за машинки, - Ну вот... готово». Она положила обновку на большой сундук у окна, присела. Отодвинула цветок на подоконнике, подняла штормку. «Ишь, бурран какой... то-то меня ломает всю. А ноженки... о-ох... сил никаких нет. - Вздохнула, - И чё злитесь? Сколь раз можно говорить об этом...»

Лизавета подтянула маленькую скамейку под ноги и, приподняв ступни и ойкая, взялась смазывать шипки у большого пальца. «Ишь, как разбарабанило... хорошо ли йодом-то кажный день?.. кожа растрескалась как ... у-уф.. Теренчика сказывает, прошли шипки... может, и правда йод-от поможет?..» Бухнула дверь. - «Ушёл. Закрыв ли избу-то... всё тепло выстынет». Лизавета обернула ноги, надела новые бурки - «просто-орно...», вымела залетевший снег, плотней захлопнула сенцы. Не зажигая света, прилегла на сундук. Она любила посумерничать - «Да... энтго, слава богу, в люди вывела... А того... о-ох... и где его опять черти таскают? Уж должен бы с работы прийти... не попал ли в милицию опять?.. - Лизавета протёрла ладошкой потное стекло, впиваясь в темноту. - Поди, по льду* опять с ширмачами бегай. Или в деньги играт где... Господи! Царица Небесная...вот ведь наказанье-то...»

Изумленная невесёлыми мыслями Лизавета задремала.

Мелодичный бой часов нарушил сон. Лизавета встрепенулась, поднялась. За окошком звякнула шеколда. Захрустели быстрые шаги. На крыльце кто-то затопал, сбивая снег. «Борька! Пришёл, слава богу!»

В избу, в клубах пара, вбежал младший сын, торопливо закрывая дверь. Включил свет.

- Мам, ты чё опять в темноте-то сидишь? Свет что ль экономишь?

- Плотне дверь закрой - ишь несёт, - встала мать навстречу. - Раздавайся скоре да садись ужинай, а то простынет. Печка уже протопилась. Замёрз, поди? - спросила она, помогая стряхивать с холодной тужурки снег. - Скидавай шапку - снегу вон сколь налипло, промокнет.

- Погоди, мам... сниму - успею. На вот... - Борька протянул объёмный свёрток. - Эт - тебе.

- Чтой-то?.. - не поняла Лизавета, принимая свёрток.

- Я ж получку сёдня получил... Холодрыга такая, а ты... без валенок. Все лавки обегал, самоваленные искал. Примерь. - Посмотри, какие мягкие. Они - тёплые, и шипкам твоим тесно не будет.

Лизавета так и села на свой сундук: «Сынок...». Борька сбросил тужурку с шапкой на пол, устроился напротив на скамейке:

- Давай надеть помогу, - развернул подарок.

- Сыночек... прости старую...

- Хм... За что? - хохотнул Борька.

- За мысли дурные... - Лизавета поцеловала сына в вихрастую макушку.

Тамара Москалёва
г. Нью-Йорк

*по льду - по зимней речке, любимому месту зареченских ребят

Марина Бродская

Поэт. Прозаик. Родилась в Подмосковье, училась и работала в Молдавии. Любовь к чтению разбудила желание писать ещё в детские годы. В Соединенных Штатах с 1979 года. Живёт в Северной Каролине. Публикуется в литературных бумажных и интернетизданиях (еженедельник «Читательский базар», «Сборник избранных миниатюр и пр.)

Рождение гения

Увидела на книжной полке у соседки гипсовую, бездарную статуэтку и вспомнилось...

Подмосковная дворовая малышня, в свои семь лет уже довольно грамотна. Познание жизни происходило во дворах и не через розовые очки. Кто постарше, с видом профессоров, знакомили нас, малолеток, с правдой-маткой жизни бременной. И мы, отрыв рот и глаза, поглощали информацию из первоисточников - от местных дворовых корифеев двенадцати - тринадцати лет от роду. Жизнь взрослых - в работе, жизнь детей - в игре.

Катка была заводилой, старше нас года на три, с характером атамана, мы с благоговением смотрели на нее.

- Всем принести куклы! Сейчас будем детей рожать! - командовала Катерина. - Я буду врач, а вы мамы...

- А я кто буду? - с надеждой спросил четырехлетний Витька.

- Ладно, будешь папой, только стой и молчи!

Я уверена, что будущий муж Катки так и простоят по стойке смирно всю жизнь, с ней не поспоришь.

Мне так хочется принять участие в игре, но... у меня нет куклы... Ну, нет у меня куклы! Хоть ревмя реви... Я не очень-то куклами увлеклась, мне было интереснее мяч гонять, но материнское дело - святое, я тоже рожать хочу!

Первый клиент ложится на пол, кукла на груди, сверху платок, Катка карандашом,

как ножом, вспарывает живот, платок откидывается, и ребенок-кукла в руках у счастливой матери...

Нет! Больше я не выдержу этой пытки завистью:

- А я? А мне?

Бегу в свою комнату, лихорадочно рыскаю глазами, хватаю гипсовый бюст Толстого, лечу на крыльях к Катке, грохочу на пол. Платок! Карандаш! Нож!
- Толстой родился!!!

Ноктюрн

Лето, словно загорелая босоногая девчонка, взмахнув яркой юбкой, шаловливо оглядываясь, убегает от осени. - «Догони!»

Сентябрь брызгает вслед светлым дождём. Какая короткая была встреча! - «До свидания! Я приду в последний вечер августа. Жди меня! Жди меня!»

Осень бархатная входит в свои права и, не торопясь, устраивает всё по-своему:

«Нет! Нет! Слишком много зелени! Вот тут слегка светло-оранжевого и жёлтого! И здесь, чуть-чуть (всего несколько мазков)!

Солнечного света поубавим, смягчим до полутонов...

Тень от дуба нарисуем подлиннее и чётче.

А вот тут, в уголке, оставим солнечный лучик! да! Да! Прямо на паутинку! Красным золотом...и две капельки дождевые!»

Осень, улыбаясь и радуясь результатам своих трудов, бросила на ярко-зелёную траву багряный листочек...

Хорошее время сентябрь.. Ранняя осень - это томная, роскошно, со вкусом одетая женщина.

Сочный, сладковатый, но не раздражающий аромат персика и увядающей мяты.

Лёгкая грусть вечерами... совсем без причины...

Она будет плакать в ноябре, с чувством потери и безысходности, и слёзы её смоят всё оранжевое; она переоденется в темно-терракотовое с коричневым, и несколько, совсем несколько бусинок перезрелой рябины на запястье...

Но это потом, потом... ещё есть время...

Помню...

Скромно глиняный горшочек
Бело-розовой герани
Бросил тень на подоконник,
Разделив нас четкой гранью.

Проходя, окно минуя,
Прошептал одно лишь слово...
Звук растерянно скатился
В щели вымытого пола...

Взмах ресниц, дрожанье плеч...
Дай укромно тебя шалью.
Грустно чувством пренебречь,
Ухожу я в ночь, с печалью...

Нина Большакова

Прозаик. Родилась в Новосибирске, закончила Томский политехнический институт и аспирантуру в Донецке. Работала на Украине в НИИ, преподавала в машиностроительной академии. В Соединенных Штатах с 1998 года. Живет и работает в Нью-Йорке. Начала писать в 2004 году. Публикуется в русских газетах и журналах Нью-Йорка, Сан-Франциско, Торонто, на Украине.

Бесплатное погребение

Жизнь полна неожиданностей, а эмигрантская жизнь - неожиданностей особенных, необыкновенных. Видите ли, многие из нас проживают свою эмоциональную жизнь здесь в голове, умственно, так сказать - в воспоминаниях, старых ассоциациях, навязанных книгами, стихами, историями и встречами. Помнится, в детстве, в далеком сибирском городке, я читала стихи знаменитых русских поэтов. Моя мать покупала книги, и поэзию в том числе, у нас была весьма обширная библиотека. Конечно же, самым почитаемым, самым читаемым и зачитанным был томик Евтушенко. «Братскую ГЭС» я знала наизусть, главу за главой читала на школьных вечерах: «Я диспетчер света Изя Крамер, я огнями ГЭС на вас гляжу...», «Я бетонщица Буртова Нюшка...»

Были в нашей библиотеке и книжки поэтов, малоизвестных провинциальной публике, и среди них - маленькая книжечка стихов Виктора Урина. Самых стихов я не помню, помню только ощущение, которое они создавали: добрые, теплые, нежные, не похожие на других. Итак, стихи за жизнью позабылись, а вот имя поэта осталось в памяти.

Прошли годы, жизнь прошла, и волна эмиграции выбросила нас на нью-йоркский берег. Оказалось, что здесь есть место и для русской литературы и для русских литераторов: газеты, журналы, литературные гостиные и встречи с писателями.

И вот где-то в конце 2003 или в начале 2004 года в помещении Y на севере Манхэттена Евгений Евтушенко проводил творческий вечер. Зал был полон, на сцене поэт и его студенты читали знакомые стихи и по-русски, и в переводах на другие языки; Евтушенко читал свои стихи великопленным, поставленным, слегка даже актерским голо-

сом, рассказывал что-то интересное. Вечер удался! Некоторая печаль для меня состояла в том, что и поэт, и основная масса зрителей были уже очень немолоды. К сожалению, дети русской эмиграции по-русски, если и говорят, то не читают и интереса к русской литературе не испытывают. Но это так, к слову. После окончания вечера в фойе продавали книги и диски поэта, и он сидел за отдельным столиком неподалеку - давал автографы. Я купила компакт-диск с его стихами в авторском исполнении и подошла за автографом. Выразила свое восхищение и попросила подписать бумажный вкладыш.

- А Вы за это заплатили? - спросил Евтушенко.

- Да, конечно, - ответила я и поэт подписал.

Мы пошли к выходу, и тут я увидела: у барьера, отделяющего часть помещения, стоит худой старик и держит в руках пачку бумаг, по виду листовок. Он предлагает их проходящей публике, без особого успеха. Я подошла, хотела взять у него листок - жалко мне этих бедных раздавателей бесплатных рекламных листовок, всегда беру, даже если на китайском - человек ведь за копейки работает! И так, хочу взять у него листок, а он не дает - доллар требует! Я посмотрела на листок, а там напечатаны стихи лестницей и стоит фамилия - Урин. Виктор Урин.

Спрашиваю старика, кто он такой, а он говорит:

- Я поэт Урин, свои стихи продаю, новые, об 11 сентября.

- Так Вы Виктор Урин? Я Ваши стихи читала сто лет назад, в Сибири, я Вас помню, хорошие стихи, у нас Ваша книжечка была!

Купила я у него листок за доллар, до сих пор он у меня где-то хранится. Говорить он не хотел, некогда ему было, коммерцию свою маленькую делал. Видно, надеялся бедный старик, что почитатели русской литературы, купившие хоть и недорогие, но все-таки билеты на известного поэта и ему немного помогут. Ведь это он милостливо просил, да мало кто подавал.

Ладно, было и прошло; диск на полке стоит, листок где-то в бумагах затерялся. И я б забыла об этом случае навсегда, если бы случайно не набрела на сайт Еврейского Общества Бесплатного Погребения (The Hebrew Free Burial Association). Оказалось - старинное общество, действует в Нью-Йорке с девятнадцатого века и хоронит бедных евреев, у которых нет денег заплатить за собственные похороны, и нет родственников, желающих это сделать. Чтобы, как они пишут на своем русском сайте, «... каждый еврей был похоронен с достоинством, в кратчайшие сроки и в соответствии с еврейской традицией». Их кладбище, Mount Richmond, находится в районе Staten Island - на острове, на южной оконечности Манхэттена, в Атлантическом океане. И вот на том сайте я нашла имя поэта Виктора Урина. Он упоминается среди знаменитых эмигрантов, которых похоронило общество. Дата не указана, но получается: в конце 2004 года.

Там он и спит вечным сном, на острове в океане, бормочет стихи во сне:

«Научите людей быть добрыми,
Научите слова быть нежными,
Поцелуй пусть будут долгими,
Обожанья пусть будут грешными».

Покосные дети

Покос - это когда сено косят. Косят, сушат, мечут стога. Обычно это происходит в конце мая - начале июня, когда нарастает молодая, сочная, пахучая трава.

На покос выезжают семьями, живут на лугах в шалашах по неделе и две, день работают, ночь любят. Свежескошенная трава пахнет так сладко, слегка подсушенное сено дурманит головы. Любовь заправляют парным молоком, коровы тут же на лугах пасутся, пастухи их в село не гонят, остаются в ночном с приходящими пастушками.

Сенокосная пастораль разрешается душевными воплями в конце февраля - начале марта следующего года. Это кричат женщины, они рожают покосных детей. Под знаком Рыб на свет лезут странные дети, они головатые, круглоглазые, рожают их долго и больно. Матери рвутся вдоль промжности, их потом шьют грубые гигиеники. Едва выльпившись на свет, дети-Рыбы начинают громко, обиженно орать - эх, не туда вылез, надо было дальше по тоннелю проползти!

Маленькие Рыбки - не такие, как остальные хорошие русские дети. Они слишком рано начинают говорить, и говорят складно и по делу, часто лучше, чем их родители, а где научились, непонятно. Они любят, чтобы им читали книжки, и все прочитанное запоминают сразу и навсегда или очень надолго. Родителям, особенно тем, кто еле разбирается по складам, читать и неохота и некогда, они ругаются матом и отказываются читать эти дурацкие книжки, которые они даже и не покупали. И откуда этот ребенок их только притащивает, вечно всякую гадость в дом тянет?!

Рыбка молча забирает книжку, утаскивает в свой угол, подальше от злобного родителя, рассматривает картинку, ведет пальчиком по строчкам.

Через несколько недель родители застанут Рыбку за чтением взрослой книги, которая ему совсем не по возрасту.

- Ты думаешь, он читает? - говорит Мать Отцу. - Да он только представляется, взрослые копирует! Ишь подперся, интеллигентшика!

Рыбка молчит, смотрит на родителей неудобным взглядом, вроде оценку ставит, прячет книжку за собой.

- Ты чего дурью маешься? - спрашивает Отец. - Люди вон во дворе в футбол играют, а ты тут в духоте паришься. Иди, иди, поиграй с друзьями.

- Они мне не друзья, - открывает сохшийся рот Рыбка. - И я никого не копирую. Мне интересно.

- Что тебе интересно, ты же читать не умеешь, а ну слушайся, когда с тобой Отец говорит, - заносит руку Мать.

Рыбка отступает на шаг, достает книжку из-за спины, открывает на случайной странице и читает:

«...Покос - это когда сено косят. Косят, сушат, мечут стога. Обычно это происходит в конце мая - начале июня, когда нарастает молодая, сочная, пахучая трава. На покос выезжают семьями, живут на лугах в шалашах по неделе и две...»

- Да он и правда читать умеет! - пугается Отец. - Кто тебя научил, говори?!

Рыбка закрывает книжку, взглядом определяет дистанцию между собой и родителями, поворачивается и уходит, на ходу, через плечо, бросая: - Учительница Анна Ивановна научила.

Родители смотрят друг на друга в полной растерянности: да ведь он всего дней десять, как пошел в школу, он и буквы еще не все прошли. Они идут за маленьким Рыбкой по коридору на

кухню, стоят у косяка, смотрят, как он наливает молоко в стакан из пакета.

- Зачем ты молоко наливаешь? - опамывается Мать. - Скоро ужинать будем, аппетит перебежь!... - заводит она привычную склоку.

- Я пить хочу, - Рыбка пьет молоко, смотрит круглыми глазами, карими с ярко-синей обводкой по краям. В глазах - холодное любопытство, интерес исследователя новых видов насекомых. Он допивает молоко, забирает свою книжку и выходит из кухни. Родители прижимаются к стене, давая ему пройти. Отец хочет выхватить книжку; его рука останавливается в воздухе, наткнувшись на Рыбкин взгляд снизу вверх.

В школе Рыбка сидит у окна, смотрит вдаль через стекло. Учительница Анна Ивановна видит, Рыбка не в фокусе, и вызывает его к доске. Рыбка выходит, решает пример, отвечает правило. Можно ставить пятерку, все совершенно верно сделано; Анна Ивановна смотрит на Рыбку и видит - а ему все равно, какая оценка, и ставит четверку. Рыбка забирает дневник, садится за парту, смотрит в окно. На его лице блуждает тихая улыбка. Анна Ивановна подходит к Рыбкиной парте, смотрит в то же окно: там школьный двор, спортивная площадка с прыжковой ямой, две чахлах березы. Идет дождь. Под деревянной скамейкой растут синие водоросли, они медленно колыхаются в струях воды. Среди водорослей съезжилась зеленая кошка. Возле - оранжевая птичка уткнулась длинным носиком в кошину подмышку.

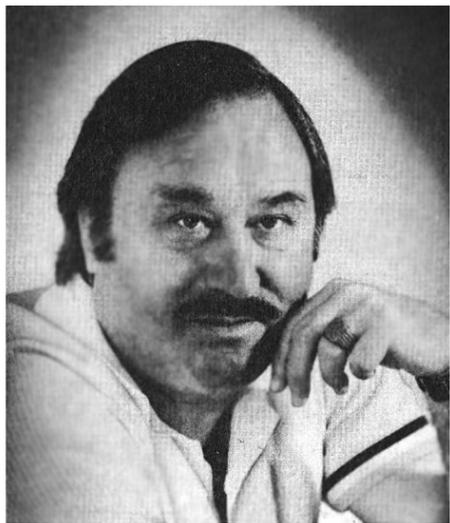
- Что, что это там такое?! - Анна Ивановна сдирает с носа очки, яростно протирает их и водружает на нос. Она снова смотрит в окно, но Рыбка уже отвернулся. И за окном обычный двор, и дождь, и серая кошка бежит через прыжковую яму наискосок. Анна Ивановна возвращается на свое место, садится, растерянно улыбается: что это такое было? Ей почудилось, переутомилась она с ужасными детьми. Женщина успокаивается, придвигает классный журнал поближе и ищет глазами в колонке фамилий, кого бы вызвать на сей раз. Ученик назван и идет к доске. Анна Ивановна поднимает глаза на класс и видит: Рыбка смотрит в окно, на его лице блуждает тихая улыбка. У Анны Ивановны начинается сердцебиение, она отводит взгляд в угол, на географическую карту России, до конца урока еще пятнадцать минут. «Надо бы вызвать его родителей, - решает она, - но что я им скажу?»

Рыбка едет домой в метро. Слева сидит его бэбиситерша*, она листает модный журнал. Справа - женщина, которую он уже встречал несколько раз, у них один и тот же маршрут. Женщина постарше его матери и моложе его бабушки. Иногда попутчица бывает очень молодой, а то вдруг... становится совсем старой. Сейчас она полудремлет-полубодруется, тело ее расслабленно, рука в тесной кожаной перчатке покоится на коленях. Перчатка коричневая, с маленькими дырочками в виде крошечных звездочек, край оторочен тончайшим кожаным кружевом. Вот край отогнулся и стало видно тонкое запястье с маленьким белым шпиромом, серо-зеленый кожаный ремешок часов и серебряный браслет со свисающими с него белыми жемчужинками.

- Когда я начну работать, и у меня появятся свои деньги, я женюсь на женщине, у которой будут такие же перчатки и серебряный браслет с висящими жемчужинками, - думает Рыбка. - У нас будет зеленая кошка и оранжевая птичка, и много-много книг, и мы проживем долго и счастливо... некоторое время.

* бэбиситерша - (англ.) - няня

Наше представительство в г. Луганске, Украина.

Владимир Гринчуков

Доброта

Я всё вспоминаю
голодное детство военное,
Гремели, наверное,
последние залпы войны,
По улице шли
под конвоем немецкие пленные,
И были глаза их
голодной тоскою полны.

А русские бабы,
сквозь ад тот кромешный
прошедшие,
И здравому смыслу,
и злости людской вопреки,
Теперь уж не бабы,
а добрые русские женщины,
Совали им, немощным,
черного хлеба куски.

И сколько б ни жил я,
всем буду твердить откровенно я,
Что долг исполняя
на жестком житейском посту,
Вовек буду помнить
голодное детство военное,
Но я не забуду
и женскую ту доброту.

Колыбельная для Натальи Дочери

Вот и все; опять окончен вечер.
В темном небе спелых звезд игра.
Дочь моя, мой милый человечек,
Ночь пришла, и детям спать пора.

Пусть тебе приснится луг с цветами,
Весь в росе,
как будто дождь прошел,

Пусть тебе приснится сон о маме,
Сон о маме... Правда, хорошо?

Пусть тебе приснится сад весенний,
Алый парус, дальние края,
Ты усни, мой самый добрый гений,
Жизнь моя, кровинушка моя.

Юный принц уснул
за далью дальней,
Лунный серп украсил небосклон.
Спи, дочурка.

Спи, мой свет Наталья,
Пусть тебе приснится светлый сон.

* * *

Я подсмотрел, как умирала елка,
В своей красе беспечно мишурной
Она роняла желтые иголки...
Как с крыш сосульки падают весной.

Отпыхав на карнавалах знойных,
Отрешена от суеты сует,
Она кончалась тихо и спокойно,
Как истинный художник, как поэт,

Осведомленный о свершенье долга,
Когда до капли роздано тепло...
Я подсмотрел, как умирала елка —
Торжественно, печально и светло.

Луганск – административный центр Луганской области, самой восточной на Украине. «Рассвет Украины», так называют Луганщину, край необъятных степных просторов, живописных рек, тенистых лесов. Донбасская земля – земля шахтеров, металлургов, машиностроителей, химиков.

Датой основания города считается Указ от 14 ноября 1795 года, подписанный императрицей Екатериной II, о строительстве на реке Лугани литейно-пушечного завода.

Вместе с заводом росло и при заводском селение, которое первоначально называлось Луганский завод, а с 1882 года согласно царскому Указу приобрело статус уездного города «под именем Луганска».

Не единожды город оказывался административным центром Донецкого края. Здесь родились Владимир Даль, составитель «Толкового словаря живого великорусского языка», известный поэт-песенник Михаил Матусовский; жили и работали И.А. Тиме, основатель инженерной школы машиностроителей России, Владислав Титов, автор повести «Всем смертям назло»; начинал свою революционную деятельность К.Е.Ворошилов.

Луганск дважды, в разные времена (1935-1958 г.г. и 1970-1990 г.г.), назывался Ворошиловградом.

Луганск – индустриальный город. В 1970-1980-е годы тепловозостроительный завод был основным производителем грузовых и пассажирских тепловозов в СССР, которые также экспортировались почти в три десятка стран мира. На станкостроительном заводе (перепрофилированный литейно-пушечный) в 1990-е годы началось производство первых монет Украины.

В городе четыре университета (Восточно-Украинский, педагогический, медицинский и аграрный), несколько институтов, а также средние общеобразовательные и специальные учебные заведения.

Есть в Луганске театры, музеи, Дворцы культуры, Дом творческой интеллигенции – активная культурная жизнь.

По инициативе Луганских литераторов был создан Межрегиональный Союз писателей Украины (МСПУ), который входит в Международное Содружество писательских союзов (правопреемник Союза писателей СССР). МСПУ объединяет литераторов более 20 областей Украины с центром в Луганске, председатель правления МСПУ – Владимир Спектор.

* * *

Воспоминаний горькая печать.
Обманчивы, как дальние огни,
И боль, и радость в тихую печаль
Переплавляют в сумерках они.

О, как я ненавижу их дурман,
Когда, почти уйдя в небытие,
Ты медленно и верно, как в туман,
Порой уходишь в прошлое свое.

Сквозь них, как сквозь цветные
витражи,
Мы видим жизнь, печали той
полны,
Так на сомнамбул действует в тиши
Холодный отраженный свет луны.

Сквозь них я красным вижу белый
снег,
Сквозь них мутна прозрачная слеза,
Сквозь них я слышу твой веселый
смех,
Сквозь них мерцают мне твои глаза.

Я фотографий старых не храню.
Пусть прошлое растает, как дымок.
Давно все письма преданы огню.
Я память тоже сжег бы, если б мог.

Светлана Тишкина

Дорожка из льда

Слова любви упали в мёрзлый снег,
И, растопив, замёрзли навсегда.
Дорожка из льда – вперёд, вразбег,
Проехать каждый рад по бывшим «да».

Непонятое скрыто подо льдом,
Но потому не тает сердце той,
И топчутся слова, что серебром
Струились тёплой речкою весной.

Никто не виноват, что жизнь сложна,
Что замерзают чувства иногда...
И что бывают лишними слова,
Становятся дорожкой из льда.

Морозная зима здесь не при чём,
Непониманье – не её порок.
Слова любви под солнечным лучом
Подснежниками прорастают в срок.

Чай с калиной

Калина горько утопает
В сиропе первых зимних дней.
Душа грустит о тёплом мае,
Цветастом, изумрудном рае,
О пристани былых страстей.

И вкус размятых красных ягод,
Так отрезвляюще пьянит:
Пусть за окном тускнеет слякоть,
На небе тает терпко мякоть...
Как давний поцелуй горчит.

Кто расчертил сезоны года
И крутит барабан разлук,
И настроеньям чьим природа
Плаксиво-серой тучей свода
Потворствует, расслабив вдруг?

Надеждой хрупкой, белой тенью
Заснежилась дождливый день.
Желаемого вижу звенья –
Разорванные зря знаменья –
Нас свергшие в осенний тлен.

Сквозь горечь проступает сладость,
Не принятая мной в расчёт.
И в стылый день улыбки радость
Вплетает превозмогши тягость
Несбывшегося... Что нас ждёт?

Чай с горькой красною калиной...
Стал исцеляющим постом,
Ноябрьский день был ночью длинной,
Но звенья слились воедино,
И стали мне в любовь мостом.

Александра Фрольченкова

Я вернусь

Как взыграет казачье во мне,
Так лечу на крылатом коне,
В край родимый, в станицу лечу,
С нею всем поделиться хочу.
Расскажу, как подружке – сосне
Доверяю все тайны во сне,
Как девчонкой с ромашкой в косе
Нахожу бриллианты в росе.
А мечтаю лишь только о том,
Что когда-то вернусь в отчий дом.
Я вернусь, я когда-то вернусь –
Тихим вечером песней прольюсь...

Татьянин день

Скрип снега под ногами,
Луна над головами,
Когда Татьяны с нами
В Татьянин день...

Заснеженные парки,
И звезды, как подарки,
Загадочны и ярки
В Татьянин день...

Запомнятся все встречи
В морозный чудный вечер,
И не погаснут свечи
В Татьянин день...

Пусть сказка долго длится
Листая дни-страницы...
Все снова повторится
В Татьянин день...

Время спросит

Золотом сыплет осень,
А серебром – зима...
Время – оно и спросит,
Чем я и как жила...
Сердце тревожно бьется,
Вдаль пусть дорога вьется,
Только б суметь, успеть
Песню свою пропеть.

Некрасовский Марк

Родился в г. Луганске, окончил ВГПИ, факультет истории. Работал в школе. Бизнес. Жил и работал за границей. Сейчас живет в Луганске. Печатался в альманахах «Свой вариант», «Склянка часу». С 2005 года член Межрегионального Союза писателей Украины. В 2005 году выпустил книгу «Мы Одиссеи в жизни и любви...», в 2006 году - книгу «Мы всё же достигаем высоты».

Трубоч

«Ничто твоей души не сокрушит», —
Я повторяю словно заклинанье.
Как хорошо, когда есть в жизни шит,
Чтоб выдержать любые испытанья...

А он не умел делать деньги
И вечно был замкнут в себе.
Любил Джетро Талла и регги,
И соло играть на трубе.

Когда душа его пела,
Ласкал он трубу, как жену.
И, словно женщины тело,
Она отвечала ему.

И были в музыке этой
Экстаз и томление души,
Страсть, что горит, как комета,
И шёпот в ночи: «Не спеши».

Вся жизнь — от рожденья до смерти,
И радость, и горестный плач.
Весь мир на звучащем мольберте
Создал гениальный трубоч.

Плевать, что скандалят соседи.
Сбежала жена. Денег нет.
Маэстро влюблён в силу меди
И вытянул счастья билет.

Пока мелодия в душе его звучит,
Ничто его души не сокрушит.

*И.Бродский

Ода меди

Золоту не дано
То, что умеет медь.
Разве может оно
По-человечьи петь?

Плакать, словно труба,
Как саксофон, страдать?
Золоту не судьба
Медью простою стать.

Медью гудит струна,
Медью тарелки звенят.
Медь, и только она
Звуков построит ряд.

Медью звучит талант,
Медью он обрамлён.
Оттого музыкант
В силу меди влюблён.

В каждом сне таятся подоплёка,
Каждый сон желания хранит.
Мне приснилась Незнакомка Блока,
Я надеюсь, Блок меня простит.

Он её любил на расстоянье,
Он молил, она не снизошла.
Расстоянье — это расставанье,
Оттого и в ночь она ушла.

Девушки всегда не любят робких,
Их сердца слезой не растопить.
И терзают каблучков подковки
Тех, кто их не сможет покорить.

Мне приснилась музыка барокко,
Всё смешалось: Запад и Восток.
Кстати, новость для бедняги Блока:
Незнакомки взял я адресок.

Наталия Мавроди

Миг вдохновения

Пусть туда приходим мы не часто,
Но в тот миг, когда нам повезёт,
Осязаем истинное счастье
И души восторженной полёт.

В тот момент всё искренне и просто
В мире грёз, фантазий и чудес,
Все проблемы маленького роста,
А надежд — громада до небес.

Там по-детски чистые рассветы
И волшебной синяя трава,
Там давно раскрыты все секреты
И забыты лишние слова.

Там в глаза глядят, как в зеркальце,
Суть лова без всяческих прикрас,
Там за горизонта круглой далью
Чудо-остров каждого из нас.

Хоть туда приходим мы не часто,
И судьба у каждого своя,
Манит иногда нас парус счастья,
И зимою слышим соловья.

Шепот волны

На берег, падая лениво,
Чуть слышно галькою шурша,
Волна, спокойная на диво,
Мне будто шепчет, не спеша.

Я слышу в шепоте том мерном
О тайнах гротов и глубин,
О каравеллах и тавернах,
О томных звуках мандолин.

Известны ей иные дали,
Историй, мифов целый сонм,
Людские радости, печали
Столетий разных и времён.

Хранит картины всех баталий,
Свет миражей и маяков,
Следы сапог, подков, сандалий,
Тех, что смывала с берегов.

Ах, если бы она умела
О том, что знает, рассказать,
Но бьёт о гальку то и дело,
О чём шумит — мне не узнать.

Средь суеты бегущих дней

Уйти в заоблачные дали,
Средь суеты бегущих дней,
И, груз проблем на миг оставив,
Встречать закат в кругу друзей.

И под звучание гитары,
Внимая перебору струн,
Слова, припомнив песен старых,
Грустить о чарах прежних лун.

Вливаясь в общее биенье,
Чужого сердца слушать стук,
И ощутить вдруг единенье
В сиянии глаз, в движеньи рук.

И душу отогрев немного
Теплом беседы и вина,
Продолжить вновь свою дорогу,
Ту, что у каждого одна.

Рассказ

Под Новый год

Вероника проснулась от яркого света. Для зимы — непривычное ощущение. Последние полтора-два месяца небо забыло о солнце. Казалось, что у Вселенского художника осталось только три краски: серая, черная и коричневая.

Вероника сладко потянулась. Так не хотелось вставать из теплой постели! Но, вспомнив, сколько дел ей предстоит, встала и подошла к окну. Мелкая снежная изморозь кружилась, сверкая на солнце. Вот они, преимущества шестнадцатого этажа: каждый день видеть горизонт и наблюдать удивительные небесные превращения. Вероника усмехнулась, вспомнив, как расстроилась, когда они получили квартиру на последнем этаже. Конечно, в этом есть свои плюсы и минусы, но подчас она приходит в благоговейный восторг от той красоты, которую дарит ей шестнадцатый этаж.

«Интересно, который час? Что-то я совсем расслабилась. Столько нужно успеть», — наблюдая за изморозью, лениво думала она. Сказывалась усталость последнего месяца. Декабрь — отчеты, отчеты, справки. Да еще эти новые формы. Все на нервах. Вот так бы стояла и бездумно смотрела на сверкающие точки. Но действительно пора, уже почти девять. Муж ушел рано, завершать на работе какие-то дела. Собирался тихо, чтобы не разбудить ее, но в полудреме Вероника слышала почти все и крепко заснула только тогда, когда захлопнулась входная дверь.

До Нового года остались считанные часы, а ей нужно успеть поздравить родителей, купить продукты, убрать квартиру и приготовить новогодний ужин. Да, еще украсить елку, которую обещал купить муж, с покупкой которой у них никак не складывалось из-за позднего возвращения с работы. Украшение елки много времени не займет. Дочь выросла, вышла замуж и жила отдельно, внуков пока не было, поэтому они в последние годы покупали маленькие елочки — вариант для журнального столика.

По дороге к родителям, трясясь в маршрутке в другой конец города, ей вспомнился вчерашний неприятный разговор с руководителем отдела по поводу последнего отчета. Срочность работы, новые формы, всех выбили из обычной налаженной колеи. А тут еще начальник подразделения никак не соглашался с ее вариантом. Вероника сделала отчет по его указанию и именно из-за этого была вызвана на «ковер». Все сказанное было очень неприятно для Вероники, но, зная свою правоту, она не стала оправдываться и подставлять непосредственного начальника, молча выслушала и вышла из кабинета. Но ей показалось, что по ней проехали асфальтовым катком. Пусть разбираются сами. Особенно мучило то, что обычно спокойный начальник отдела кричал на нее и даже стукнул кулаком по столу. Именно это, глубоко засевшее чувство «без вины виноватой», никак не позволяло настроиться сейчас на праздничный лад.

У родителей задержалась немного дольше предполагаемого времени, поэтому пришлось ускорить темп всего остального. «Вот уж год! До последнего часа не дает вздохнуть!» — думалось Веронике. Год действительно получился очень насыщенный, напряженный, полный неожиданностей, не всегда приятных. Вот и последний день, как весь год.

Вероника, как заведенная, убирала, пылесосила, мыла полы, возилась на кухне, отвечала на поздравительные телефонные звонки и сама тоже звонила, поздравляла.

Муж пришел в девятом часу. У Вероники было почти все готово. Осталось допечь гуся и вымыть полы в кухне. О елке муж, конечно же, забыл. И тут она не выдержала и по-детски расплакалась. Муж пытался ее успокоить, говорил, что, в конце концов, елка — это язычество, и праздник можно создать и без нее. Но именно

это «язычество» обидело еще больше. Сказал бы просто, что забыл. Вероника с самого детства не помнила ни одного Нового года без елки. Ей казалось, что-то нарушится в их жизни, если Новый год будет встречен без нее. Утирая слезы, она стала одеваться. Может, повезет, и она соберет ветки на площади, где был елочный базар. Видя решимость Вероники, муж, без единого слова, сопровождал ее.

К их счастью, на площади задержался мужичок с двумя сосенками, весьма жалкого вида. О принадлежности к этому виду хвойных говорили несколько веток на высоком стволе с длинными кое-где осыпавшимися иголками. На вопрос об их стоимости, он, смущаясь, ответил «Сколько дадите». Им предстояла нелегкая задача выбрать лучшее из худшего. Чем и занялся муж.

Взгляд Вероники упал на ель, которая лежала на земле, это была настоящая ель, с пушистыми веточками, но почему-то совершенно плоская. Наверное, так сильно придавили, когда везли. Лежала где-то под ворохом, таких же, как она, елок. «И тебя тоже — катком», — подбирая и отряхивая елочку, подумала Вероника.

«Мы возьмем ее», — указала она на елочку. И, предоставив мужу решать финансовую сторону сделки, бережно понесла ее домой.

Дома, отвернув в коридоре ковер, Вероника занялась реанимацией символа новогоднего праздника. Поставила елочку в напольную вазу с водой, какие-то веточки подпилила, какие-то — подстригла ножницами. В итоге получилось вполне симпатично.

Часы приближали наступление Нового года. Вероника отвлеклась от своего занятия на кухню, а когда пришла, чтобы нанести последние штрихи в виде мишуры и серпантинна, ахнула от того, что увидела. Елочка распушилась и превратилась в шар из густых веток. Вероника так вскрикнула от неожиданности, что в коридор выбежал муж. «Фантастика!» — только и смог вымолвить он.

«Это не фантастика, — подумала Вероника, — просто всем нужно тепло и немного заботы». Потом, улыбувшись, добавила про себя: «И чуточку новогоднего волшебства».

В двенадцатом часу они сели за стол и зажгли свечи. Раздался телефонный звонок. К удивлению Вероники, она услышала голос начальника отдела «Вероника Сергеевна, с наступающим, Вас. Не могу идти в Новый год с долгами. Вы извините меня за вчерашнее. Павел Семенович рассказал, что это было его решение. Знаете, все мы можем ошибаться. Все спешка и нервы. Хорошего праздника Вам и самого доброго в новом году».

Начальник отдела, наверное, тоже верил в волшебство новогодней ночи. А, может, в новогоднюю ночь мы все на немного возвращаемся в детство? И верим, что с первого января начнется не только новый год, но придет новое счастье...

Наталия Мавроди

Наше представительство в г. Кривом Роге, Украина

КРИВОЙ РОГ

Яков Вакс

*Я всегда видел
облачный пейзаж
Под дрянью и мусором
невысоких построек.
А. Грин*

Как ощутить, ворвавшись в небо,
Восторг, сверканье?... Прочь
мечты,—
Я слышу крики: “Зрелищ! Хлеба!”...
Какой нам толк от высоты?
Ну, глянь же, глянь! — вся даль в
тумане.
Зачем ты рвешься к небесам?
Ну где ты видел в океане
Её, бегущей по волнам?
Ну где же, где? ... —
Брюзжит сомненье,
Томит тоска, пронзает боль,
И вдруг — как вспышка, озаренье:
Там алый парус, там Ассоль!
Ассоль, Ассоль! Я рвусь, я буду
В сверканьях звёзд у той черты!
Я жажду неба, жажду чуда,
Где правят сказки и мечты, —
Всегда с тобой, с тобой, единой,
Такой туманной, неземной,
С моей мечтой непостижимой,
Всепобеждающей мечтой.

Шевчук Иван

*Я многочислен и един
Я. Вакс*

Душа и человек

Как много раз я умирал,
Рождался, жил, любил, страдал.
То сеял хлеб, то пас овец,
То был богат, то гол, как перст.

Я бороздил морской простор
И покорял вершины гор.
Бывал и нищим и жрецом,
А, может быть, и мудрецом.

По воле божьей приходил,
По воле божьей уходил.
Я славянин, араб и грек...
Души бессмертной человек.

*С чем явемся мы к богу на поверку.
Н.Шопяк*

С чем явемся мы к богу на поверку,
Что Господу мы, братцы, объясним?
Какую в жизни мы зажгли лампадку?
Какой кирпич несём в Иерусалим?

Бегут, бегут без устали минуты.
Уходят в даль усталые века.
В штормящем море мы в дырявой
шлюпке
Устали плыть без света маяка.

А где-то светит в небе солнце
И на лугах зеленая трава,
И лишь в груди тихонько бьётся
сердце,
Но рвётся в высь заблудшая душа.

Лист бумаги

Ах, этот белый лист бумаги.
Где только он не побывал?
Он под рукой у бюрократа,
Как лист осиновый дрожал.

На нём приказы и указы
На нём предательство и лесть,
Ах белый, белый лист бумажный
В тебе, бесспорно, сила есть.

И из тебя то брызжут слёзы,
То раздаётся громкий смех.
А иногда рукою грязной
На ком-то ставят жирный крест.

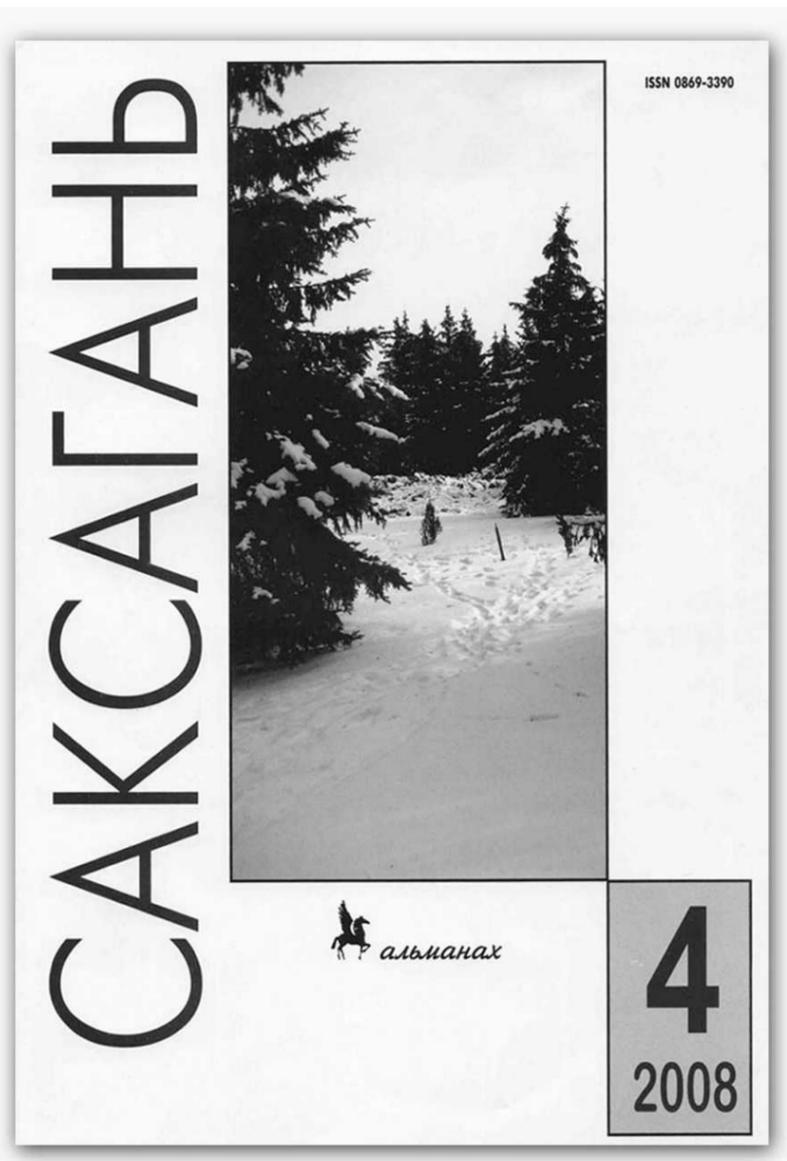
Порой кого-то воспевают,
Кого-то прячут под сукно.
Лишь только юность безмятежно
Напишет страстное письмо.

Юлия Шовкун

Гуляє вітер по степах,
Колише трави, стигл ниви,
Як моря Чорного розливи -
Все хвилі, хвилі в ковилах.
Гуляє вітер по степах.
Гуляє вітер в комишах,
Вербі щось лагідно шепоче,
Аж листячко її тріпоче
І шелестить, мов з шовку стяг-
Гуляє вітер в комишах.
Гуляє вітер по морях,
Неначе й втоми він не знає,
Об берег хвилі розбиває
І залишається в піснях.
Гуляє вітер по морях!
Гуляє вітер на роздоллі,
На вольнім степовім просторі
І у безкрайнім синім Морі -
Кругом йому відкритий шлях...
Гуляє вітер по степах.

Два Вечера знакомства

Прошли два вечера знакомства с творчеством украинских поэтов, писателей, художников и музыкантов из города Кривого Рога. Эти увлекательные рассказы о творческих людях и предоставление творческих работ провела в городе Костомукша в ДК «Дружба» Аза Григорьевна Лозовская. С большим воодушевлением она рассказывала о каждом человеке, о его творчестве. Это и не удивительно, так как Аза Григорьевна лично знакома со всеми людьми и их творчеством, которое она представляла на этих вечерах. Складывалось впечатление, что Украина и ее люди вовсе и не другая уже для нас страна, а у нас много общего в переживаниях, в творчестве, в желаниях и устремлениях. К нам в Северные края словно нахлынуло дружеское тепло Юга, и его принимали с радостью, потому что в нашем интернациональном городе очень много людей с Украины и в частности из города Кривого Рога. Аза Григорьевна познакомила нас с интересным изданием «Саксагань», с которым мы начинаем налаживать через Азу Лозовскую творческие связи. Мы уже напечатали в прошлом номере нашего издания авторов, которые публикуются в журнале «Саксагань», и с большим удовольствием представим для наших читателей общий вид этого журнала, который, в свою очередь, познакомит писателей и читателей Кривого Рога с творчеством костомукшских авторов.

Феликс Мамут

Благодари любовь

За дымку сонного тумана,
За медь расплавленной зари,
За день, что ты встречаешь рано –
За всё любовь благодари.

Благодари за ощущение
Тобой увиденной красоты,
Благодари за миг прозренья –
За всё любовь благодари.

Благодари за мир прекрасный,
За радости и за печаль,
Благодари за месяц ясный,
За жизнь, которую начал.

За первый снег, за гроздь рябины
Ту, что клевали снегири,
За колыбельную для сына –
За всё любовь благодари.

За долю нашу непростую,
За то, что сделал и сказал,
Благодари любовь земную.
Она – начало всех начал!

Вновь в углу поёт сверчок

Вновь в углу поёт сверчок.
День усталый догорает.
Моя радость засыпает,
Повернувшись на бочок.

Я ловлю её тепло
Краешком своего тела.
Ночь. Луна глядит в окно,
Улыбается несмело.

Распластавшись, как река,
Спит прекрасная Венера.
И с надеждой сквозь века,
Мчатся к нам Любовь и Вера.

Ты прекрасна, словно сон.
Тишь. Любуюсь я тобою.
Под окном кудрявый клён
Разговор ведёт с ольхою.

Унеси с собою, ночь,
Наши горечи, сомненья,
Пусть уйдут все беды прочь
Ради счастья пробужденья.

Любов Баранова

Драма забытых вѳкѳв

Драма забытых вѳкѳв на екранѳ:
Так защемило менѳ! -
Юна княжна у ворожому станѳ,
Киѳвська Русь у вогнѳ.
Лютѳ ординцѳ палати поганяють,
Слугѳ порубанѳ всѳ.
Нѳби лошищо, дѳвчатко арканяють.
“Батечку, брате, спасѳть!”
Не вѳдгукнутьсѳ: на бранному полѳ
Смерть наздогнала обох.
Спокою вѳчним здолали неволю -
Зглянувсь над воями Бог.
Тож ѳ княжна собѳ смертѳ просила,-
Курява попѳл несе.
Нѳ надприродна, нѳ людська вже сила
Честѳ ѳї не спасе.
Бранку, здобуту в кривавому герцѳ,
Хановѳ кинуть до нѳг,
г рѳзоне по розбитому серцѳ
Хтивий володаря смѳх...

Слова

Слѳв рядки, спѳвучѳ гами,
Заплѳтайтеся рядками!
А було спочатку Слово -
Всѳх понять першооснова:
Слово радѳсне - життѳ,
Слово райдужне - дитѳ,
Найтеплѳше слово - матѳ,
Найсвѳтлѳше слово - тато,
Слово - час ѳ слово - бѳль,
Слово - вогнище ѳ сѳль,
Потом кропле не - пшениця
г духмяне - паляницѳ,
Невѳддѳльне - Батькѳвщина,

Невгасиме - Украѳна.
В рѳднѳй мовѳ слѳв чимало.
Добрѳ люди ѳх зѳбрали
В словникѳв товстѳ томи,
Щоб вивчали, знали ми
г слова, ѳ рѳдну мову -
Знать усѳх першооснову.

Загадки-добавлянки

Перша книжка це твоя,
Букви в нѳй вѳд А до Я.
Кожен зна ѳї школяр,
Бо ця книжечка

(буквар)

Як умѳєш рахувати,
То навчи ѳ братика.
В школѳ легко опанує
Братик

(математику)

Треба в школу рѳч ту брати,
Щоб було на чѳм писати.
Учень ти якщо хороший -
Не забудеш вдома

(зошит)

Все зобразиш ними: гори,
Дѳм, садок, лѳтак ѳ море ...
Здогадавсь?
В моѳй руцѳ
Кольоровѳ

(олѳвцѳ)

Загадки-добавлянки

Вгору з кѳвтѳв я здѳймаюсь
г на кѳвти ж приземляюсь.
Знаменита я тепер:
Мѳй дѳвѳйник - гелѳкоптер.

(Бабка)

Золотѳ баранець має рѳжки,
Стелить рѳжками сѳрѳбну дорѳжку.

(Мѳсяць)

В нього нѳжки чималѳ –
Вѳд хмарин аж до землѳ.
Вѳн веселу владчу має,
Радѳ землю поливає.

(Дощ)

На блакитному тронѳ
Сидить красень в коронѳ.

(Сонце)

Сѳм стрѳчок в ѳї косѳ,
Сонцем вплетени усѳ.

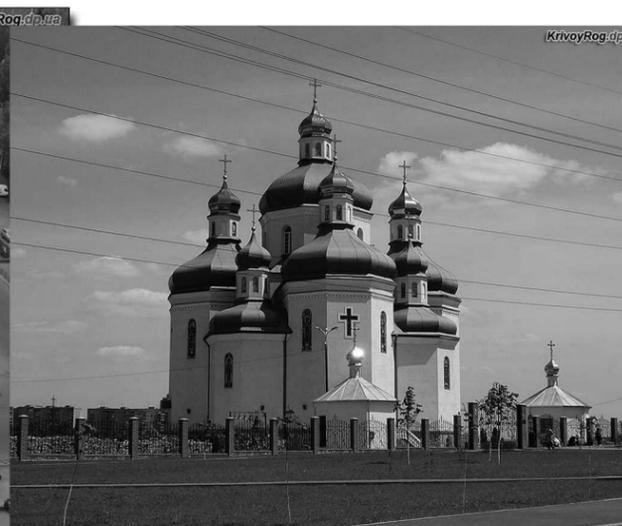
(Веселка)

На бузковѳм полотнѳ
Золотѳ мигтѳють вогнѳ.
Та нѳхто не може, брате,
Тѳ вогнѳ порохувати.

(Зѳрки)

Невидимка цей ѳ рева
Гонить хвилѳ, гне дерева.

(Вѳтер)

Наше представительство в г. Казани

Лиля Газизова

Родилась в Казани. Окончила Казанский медицинский институт (1990) и Московский Литературный институт им. М. Горького (1996). Работала детским врачом, ныне – руководитель секции русской литературы и художественного перевода Союза писателей Татарстана. Автор пяти сборников поэзии. Стихи и проза публиковались в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь», «Юность», «Литературной газете», альманахе «Истоки» и др. Составитель Антологии русской поэзии Казани «Как время катится в Казани золотое...», антологий переводов на русский язык (совместно с С. Малышевым) «Современная татарская поэзия» и «Современная татарская проза».

Заслуженный деятель искусств Татарстана. Лауреат Литературной премии им. Г. Р. Державина. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств. Дипломант Всероссийского конкурса Артема Боровика 2009 года за эссе «Алкоголизм женского рода».

Люблю день прошедший.
Не за то, что прошёл.
За те знаки, что он расставил.
А я разгадать не успела.
Знаю, напомнят они о себе
Паутинкой, сверкнувшей на небе,
Или звуком упавшего яблока.
А, может, проснусь
С чувством тревожным?
Кто знает...

Еду в Буа.
Не в предместье Парижа
И не в обитель печали русской.
В Буа, татарскую провинцию,
Родину отца моего.
Там разыщу мое детство...

Писать о любви безоглядной
В тридцать пять
Почему-то смешно.
Заботы о ближних и хлебе насущном
Безоглядностью съедают.
И оглядываешься, оглядываешься...
Но так хочется, чёрт возьми,
Написать о любви безоглядной
В тридцать пять
Или даже её испытать!

Можно потрогать руками
Одиночество.
Оно мягкое, как вата,
Липкое, как руки после чак-чака,
Любимого татарского лакомства.
Иногда оно твёрдое,
Как стена
Нового дома
На улице Лесгафта,
Где нам, кто знает,
Суждено вместе жить.

Одиночество принимает форму
Чашки,
Из которой пью кофе.
Ты её подарил мне
На женский день.
Пропитываюсь одиночеством,
Как губка.

Одинокая губка.

Александра Кашина

Родилась в 1986 году в Казани. Студентка 5-го курса юридического факультета Академии Управления ТИСБИ.

Автор двух сборников стихов «Кочевница сердца» и «Глядя на Вас», многочисленных публикаций в российских и республиканских СМИ. Участник Форумов молодых писателей России. По итогам девятого Форума молодых писателей России (Москва, 2009) удостоена гранта на издание авторской книги стихов в серии «Молодая литература России».

Член Союза писателей Республики Татарстан. Лауреат Международной премии «Филантроп» (Москва – Женева, 2004).

Высокую оценку стихам Александры Кашиной дали такие мастера культуры, как Сергей Михалков, Римма Казакова, Татьяна Кузовлёва, Максим Амелин, Рустем Кутуй, Мухаммат Мирза, Лиля Газизова, Марк Розовский, Борис Гребенщиков, Юрий Шевчук...

Александра Кашина провела более 200 выступлений на публике за последние 5 лет, в том числе на сцене Малого театра России, в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, Всероссийском представительстве ООН и др.

Странная девочка с синим шаром
В сером большом городе – сне,
Где все заботятся только о том –
Работа-дом, работа-дом
И не встречаются с ней
Взглядами.
Здесь даже небо кажется сном –
Серым, большим, с прожилками крыш.
Прием валюты, банк, гастроном,
Модный бутик, аптека, дурдом...
И только ты молчишь
Ласково.
Ветер подул, и все кувырком,
Серый циничный ветрило,
Знаешь, неважно, что будет потом –
Кот в мешке или супчик с котом,
Я тебя отпустила,
Шарик.

Мой милый актер, пишите сказки!
Они вам к лицу, или к лицемерью.
Меняются роли, срываются маски,
А я Станиславский! Не верю! Не верю!
Билеты распроданы к новой премьере,
Но тем повезло, кто остался за кадром,
А здесь жизнь идет по законам театра:
Для каждого Моцарта будет Сальери,
Для каждого Гамлета будут вопросы...
Ответы же скроют немые кулисы,
За ними застынут в безжизненных позах
Фанатик-актер и смешная актриса.

Борис Вайнер

Родился в 1948 году на Курилах в семье военнослужащих. С раннего детства живёт в Татарстане, сначала в деревне Матвеевка, затем в Бугульме и Казани. Закончил знаменитую в столице Татарстана физико-математическую школу №131 и филологический факультет пединститута.

Вузовское время провел под знаком студенческого театра Казанского университета УТЮГ (Университетский Театр Юмора и Гротеска), где был актёром. Серьёзно писать начал, придя после нескольких лет учительства в газету. Более десяти лет проработал в «Вечерней Казани», около пятнадцати лет издавал и редактировал детский журнал «Зонтик», в настоящее время выпускает альманах для школьников «Будильник».

Известен как детский поэт и прозаик, юморист, драматург, сценарист (в частности, киножурнала «Ералаш»), переводчик с английского и татарского, а также как автор-исполнитель песен. Много выступает как на детскую, так и на взрослую аудитории.

Член Союзов писателей Татарстана и России, Союза журналистов РТ, заслуженный деятель искусств РТ, лауреат Литературной премии им. М. Горького (2007 г.), нескольких всероссийских и международного конкурсов. Автор книг «Зеркальный вариант», «Удивительный волк», «Ни капельки не страшно», «Школьные хайку», «Нинзя из Самураевки», «Бегемоты тут не ходят!» и т.д.

Сплошные слёзы

На днях все известные городские плаксы и даже одна заслуженная рева-корова собрались вместе, чтобы выяснить, кто из них лучший. Они выходили на сцену и показывали, кто что может. Например – самые крупные слезинки, большие как яблоки; в одну из них нечаянно угодил майский жук; слава богу он умел плавать. Кто-то наплакал больше всего: бочку, ведро, две кастрюли, стакан, чашку и еще чайную ложечку. У кого-то слёзы оказались самые горькие – горше лука и перца, и горчицы, и даже самой противной аптечной микстуры; член жюри, которого обязали их попробовать, до сих пор ходит с кислотой, а вернее сказать, горькой физиономией. У кого-то – самые горячие; они вспыхнули от спички, зажжённой на расстоянии в два метра тридцать пять сантиметров и семь миллиметров, и горели бы целый час, если бы не пожарные. Кто-то плакал громче всех; громче пожарной сирены и рева болельщиков на стадионе; он даже вывел из спячки медведя Потапа в городском зоопарке. Кто-то – дольше всех: два дня и еще сорок две минуты; он бы плакал и дальше, если бы не заснул прямо на сцене. Зато у кого-то получалось одновременно плакать и танцевать ламбаду! А у кого-то – одновременно стрелять

из водяного пистолета по мишени; и попадать! Или – одновременно скакать на игрушечной лошадке не держась руками; и не падать! Или – держась, но зато на настоящем пони; и тоже не падать! Или – играть свободной от носового платка рукой в шашки; и выигрывать! Или – показывать той же рукой фокусы! Или – петь сквозь слёзы песни про джагу-джагу и мусипуси! А кто-то просто принёс с собой кактус в горшочке, чуть-чуть туда поплакал, и кактус в глазах у всех зацвёл!

Ну и как тут было определить чемпиона?

Жюри целый вечер спорило, а потом дружно заревело – ведь в жюри тоже сидели плаксы! Они залили слезами все документы; буквы и цифры там расплылись. Компьютеры надолго вышли из строя, потому что с электропроводкой от влажности сделалось короткое замыкание... В конце концов все, громко рыдая, пошли по домам, а подмоченные бумаги отдали мне, потому что именно я должен был написать о конкурсе в газету.

Глядеть на эти листочки без слёз совершенно невозможно. А из редакции опять звонили и требовали расказа.

Так что сейчас я пишу и плачу, пишу и плачу.

A-a-a-a!.. O-o-o-o!.. Y-y-y-y!..

Рустем Кутуй

Моя!

Моя Казань! - сказать имею право,
Стоит она в незыблемой оправе вод
и позади, и впереди, и слева-справа.
«Стара коса...» - да это от лукавого -
«...орда - орава...».
Вся на плаву, но не хочет сплава,
и сбережёт свечу, как под ладоною
пламя...

Её и так, и эдак исходил
с ватагой иль один.
Она с вниманьем мне внимала
древесно-каменной душой,
последний грошник вынимала:
«Ходи, пока живой!»...
Какой угрожающею силой
могли бы сокрушить меня,
на кровь весь разум поменяв...
Когда косило, на груди носила,
и вынянчила до этого вот дня,
как солнце над головою приподняв.
Я камешек её или тростина,
сквозь пятку мысль меня прожгла:
она б и нищего, побитого простила,
за Пугачёвым в степи увела...
Решёткой азимовской мечети
одела б в горести и собрала бы в горсть:
«...Пока вы стрелы с-под кольчуги
мечете,
мой сын - кровинка, а не чадо-гость!»...
Никто и шёпота её не слышит.
Повдоль кремля шагаю я сквозь ночь
один.
Слетаются ко мне все ниши-крыши,
летучие и бредущие мыши:
«...Ходи до дома, отдых находи, очаг,
пока что не зачах, есть свет в очах...»
И я в безмолвьи тревоги,
покорно продолжаю путь,
покуда руки тверды, не погнуты ноги,
любовью полнится слегка придавленная
грудь.
Моя Казань!..

Рассказ

Шматок сала

Самолёт, снижаясь на вираже при подлёте к аэропорту Кеннеди, резко накренился, и внизу замелькали красные крыши домиков, утопающих в зелени, и выстроенных, словно на картинке, правильными рядами.

Мои соседи по креслам, бизнесмены с Украины, типа «новые русские», прильнули к иллюминатору.

«Още і є одноповерхова Америка, про яку хтось писав? Павло! А подивись-но туди!

Ось де хмарочоси! Це що там, батьку?», - обратился один из них.

«Там как раз и есть Манхеттен. А «Одноэтажную Америку», которую написали Ильф с Петровым, вы читали?»

«Батьку! Нам читати нема коли. Ми бизнесмени, ми ж і рахувати ледве поспіваєм».

Ну, слава богу, - подумал я, - что полёт заканчивается. Ребята конечно они хорошие, но слишком заводные и весёлые, поэтому поспать мне, сидящему с ними рядом, как и всем пассажирам нашего салона, так и не удалось.

Все восемь часов полёта эти два бизнесмена расспрашивали меня о Нью-Йорке, о гостиницах и ресторанах, машинах и девочках. В общем обо всём, что могло интересовать молодых жизнерадостных здоровых парней при деньгах, неплохо владеющих английским и впервые летящих в Америку. Все восемь часов они громко острили и сыпали украинско-еврейские анекдоты, веселя пассажиров и бортипроводниц, и угощали соседней откуда-то появившейся горилкой и украинским отличным салом с чёрным хлебом.

Правда, два хасида, сидящих неподалёку и по-видимому не понимающих ни слова по-русски, не дожидаясь столь некошерного угощения, перешли в другой салон.

Наконец самолёт приземлился, медленно подрулил к терминалу и, спустя минут десять, пассажиры потянулись на выход. После долгого хождения по подземным тоннелям, мы наконец вышли в зал паспортного контроля. Встретил я своих украинских друзей уже около конвейера выдачи багажа. Лента транспортёра закрутилась, и пассажиры начали разбирать чемоданы.

Между ними вышагивал огромный чёрный полицейский с юркой, маленькой, но такой же чёрной таксой на поводке. Собака старательно обнюхивала каждый снятый с транспортёра чемодан.

Вдруг она замерла у чемодана Павла. Полицейский насторожился: «Сэр! Что у вас там? Наркотики, мясо?»

Павло, впервые встретившийся с живым американским полицейским, что-то непони-

мающе забормотал. И, как бы ища моей поддержки, сказал по-украински:

«Які наркотики, яке м'ясо! Вин що здурів разом із своєю собакою?»

«Нет у меня ни наркоты, ни мяса», - наконец выдал он полицейскому.

У таможенного контроля заставили открыть чемодан.

Прямо сверху, лежал аккуратно завернутый в перевязанную кальку толстый кусок сала.

«А это что у вас, сэр? Разве не мясо?», - спросил язвительно гигант, понохав сало. «Мясо мы конфискуем, но вам придётся ещё заплатить штраф 50 долларов, за нарушение таможенных правил», - вынес свой вердикт стоящий тут же таможенник.

И начал заполнять квитанцию.

«Какое ж это мясо? Это ж сало! - заупрямился Павло, - зовите начальника!»

Пока таможенник звонил куда-то и осматривал чемоданы других пассажиров из образовавшейся очереди, Павло со своим другом развернули злополучный шматок сала и, отрезая аккуратные куски, уплетали их так, будто не ели уже неделю.

Увидев среди пассажиров стоящих в очереди на досмотр знакомых по полёту, Павло добродушно угощал: «Мужики! Виручайте, не отдавати ж їм наше сало?!»

Кое-кто на ходу смаковал эти тонюсенькие квадратные кусочки чёрного хлеба с толстым вкусным салом поверх. Вся очередь одобрительно улыбаясь посматривала на бизнесменов, и только хасиды отвернулись, как бы не замечали происходящего.

Спустя минут десять, когда появившийся начальник вместе с таможенником подошли к Павлу и начали рыться в чемодане, от сала оставалась только обрезанная свиная шкурка.

В шоковом состоянии они поочередно, с недоверием поглядывали то на сытые краснощёкие лоснящиеся лица двух бизнесменов, то на содержимое открытого чемодана.

Свиную шкурку выбросили, а штраф всё-таки Павлу вручили.

«Да разве ж это мясо? Это же шкурка!», - попытался он им возразить.

«А у нас и шкурка - мясо!», - заключила таможенник.

«За таку шкурку п'ятдесят доларів!» - всё возмущался Павло.

Но штраф оплатил - а куда деться?

Ян Кауфман
г. Москва

Рассказ

Му-Ма

Начинающий литератор Иван Т-в, немолодой уже человек благообразного вида с окладистой бородой и пышной шапкой волос, робко заглянул в кабинет главного редактора газеты «Жизнь собачья».

«Вам что?» - из-за стола привычно нетерпеливо гавкнул главный.

«Да вот, рукопись принёс про собаку. Рассказ, «Му-Ма» называется», - с надеждой промямлил Т-в, подавая толстенную папку.

Минут десять редактор бегло листал страницы.

«Про собаку - это хорошо, это то, что всегда нам надо, тема животрепещущая, и читателю нравится», - более миролюбиво пробурчал редактор, - только, учитывая, что у нас не толстенный альманах, а газета, рукопись надо бы сократить».

Поменьше про эту страдающую барыньку. Ну всем понятно, что ей скучновато там одной в деревне - и поговорить вовсе не с кем, не то, что ещё чего... Да кто ж виноват? И с Герасимом не поговоришь - совсем немой типаж! Безграмотный мужик и, к тому же, пьяница.

Но знаете, главное - поярче опишите вы главное действующее лицо, т.е. морду Му-Мы, её раздумья, желания и страдания. В общем, так: подработайте и сократите текст, приведите свою Му-Му в божеский вид и приходите».

Спустя неделю литератор опять появился в редакции.

«Ну, вот это уже значительно лучше, - одобрительно гавкнул редактор. - Ах, как вы хорошо сократили материал, в то же время, так удачно и полно раскрыли образ Му-Мы. Теперь всем гораздо понятнее причина, из-за которой и возник этот её конфликт с одинокой барынькой, который и завершился справедливым укусом».

А вот с концовкой, уважаемый автор, я категорически не согласен».

«Что вы имеете в виду?» - осторожно спросил литератор.

«Вы должны помнить, что наши читатели - люди простые, разного возраста и пола, но все собачьи энтузиасты и уж совсем далёки от этих барских капризов. Большинство искренне живут полноценной собачьей жизнью. А у вас такой трагический конец. От меня же разбегутся все читатели!...»

«Так в этом же вся фабула, сюжет...», - начал было литератор.

«Вот-вот! Вы и разверните всю фабулу с сюжетом на 180 градусов. И, главное, пишите короче и подоходчивее. Ведь для народа пишите, зачем ему ещё думать?»

Через пару недель осунувшийся литератор появился с окончательным вариантом «Му-Мы». Осторожно открыв здорово похудевшую папку, редактор достал одинокий лист бумаги, на котором было:

«Одна одинокая тёлка страдала от безделья в глуши. Вообще, ни нормальных мужиков, ни кин или театров там никого не было, а был только слуга Герасим, и то немой. Вот и наехала тёлка от скуки на собаку, которую звали Му-Ма».

А её, Му-Му, этот наезд, конечно, задел и она кусанула тёлку. И решила тёлка вместе с Герасимом избавиться от Му-Мы. Поплыл немой с Му-Мой на лодке, одел её кирпич на шею, чтобы утопить. Только Му-Ма тут начала колотиться и по-собачьему тонко стыдить - так мол и так, а ты тоже пьянь, хорош! Короче - достала она Герасима по полной программе. Он забрал у неё кирпич да и сам утопился...

А тёлка, в конце-концов, вышла замуж, сразу подобрела и полюбила Му-Му».

«Замечательно! - воскликнул облегчённо редактор, - написано конкретно, доходчиво, без всяких дурацких сентиментов. И конец превосходный».

И протянул секретарю листок: «Срочно в набор!»

Ян Кауфман

Рассказ

Мечта, рассказ девочки

А мы в нашем детдоме весь вечер наряжали ёлку.

Тётя Галя нам даже сказала, что когда проснёмся, к нам придёт в гости Новый год.

Я спросила у тёти Гали: «А какой он - Новый год?» А тётя Галя сказала, что он ко мне уже четыре раза приходил и мне уже целых четыре годика! И много разных гостей придёт на праздник. А потом тётя Галя мне на ушко по секрету сказала: «А утром под своей подушкой, Олечка, ты найдёшь какой-нибудь подарок»

«А какой подарок? - спросила я, - не хочу какой-нибудь, я хочу маму».

Тогда тётя Галя подумала и сказала, чтобы я попросила маму у какого-то дедушки (я только сразу забыла какого), и он в Новом году обязательно мне её подарит. Когда я легла спать, сразу начала просить этого дедушку подарить мне маму. А потом вспомнила, как дедушку зовут - Дедушка Мороз. Вот.

Ян Кауфман

Рассказ

Так заведено

Вот пришла с работы и думаю, что для счастья ещё надо? Вроде все для этого есть. Семья, где работающий муж и любимый ребёнок, сестра, родители, бабушка, близкие и дальние родственники с друзьями. Кажется каким - то уже обыденным вся эта текучесть быта. Словно заводная программа включилась, где с утра ребенка в садик, потом на работу, с работы домой, затем кухня, телевизор, сон, а хочется обновлений, интересного.

Выходные вносят некоторое разнообразие встреч с подругами, прием гостей или поход в гости, походы на природу или на дачу. Бывают праздники и дни рождения, когда мы все дружно собираемся и отмечаем эти торжества. Фотографируемся, шутим, отмечаем что - то друг у друга. Все заняты на разных работах и у многих разные увлечения и планы, потому вскоре общие торжества переходят в беседы по интересам, где порой два собеседника обсуждают профессиональные дела, другие рыбалку, новые покупки или успехи и неудачи, связанные с детьми. В этой бытовой веренице дней все кажется знакомым, и в окружающей нас природе кажется все кем - то так заведено, что даже сменяющиеся сезоны опять с неизменностью повторяются. Вот и задумалась я, а способен ли человек изменить то, что, как говорят, «так заведено».

Оказывается все можно изменить и даже смену сезонов, надо только переехать через экватор, в Южное полушарие, и вот уже сезоны изменены в полной их закономерности на обратные последовательности в отношении к Северному полушарию. Удивительно, что можно таким образом изменять не только климатические, часовые или географические данные окружающего нас пространства, но и глобальные сезонные изменения.

Можем ли мы измениться сами, не изменяя положения нас в пространстве? Вот тут уже более сложные нас ожидают решения от окружающих нас климатических, географических и прочих обстоятельств, которые определенной средой окружают нас и оказывают на каждого влияние, заставляя нас приспосабливаться к этим обстоятельствам. Однако выброшенные из дому братья наши меньшие недобрыми хозяевами, порой оставляя свои приобретенные привычки, сменяют их на врожденные инстинкты и, не утратив особой городской ориентации, вливаются в

сообщество бродячих отшельников городов и пригородов. Можно наблюдать, как в некоем сообществе людей царят определенные нравы и информационная среда, но стоит одному из среды сквернословов измениться и начать говорить добротным языком, то его быстро сочтут ненормальным, конечно же по отношению к их нормам в общении, и такой станет изгоем. Сейчас кругом люди окружены соблазнами и искушениями, в которые многие пытаются вовлечь друг друга и которые им внушаются из разных СМИ. Человеческий инстинкт принимает решение, что он больше плохого не будет говорить и делать, будет делать справедливое и доброе, но вскоре осознает, что таким начинают пользоваться для совершенно других целей и еще обижаются, а не благодарят, когда человек решит просто перестать или успеть сделать и для себя нечто необходимое.

Как хочется делать доброе для других людей и видеть, что все делают то же и для других, а сообщая - для каждого полезное и благодарное. Если воспитатель учит дру-

гих детей благоразумию и полезному, как и учитель, а военные и милиционеры оберегают каждого от внешней и внутренней угрозы, строители строят жильё и другие объекты, продавцы доставляют и продают товары, водители производят перевозки, творцы поддерживают и обогащают нас духовной благой пищей, то от каждого - каждому прилагаться должно все полезное и благоразумное. Обстоятельства и идеология современной социальной системы словно уже заиклены, в головах у некоторых людей. Мол, раз я благоразумней, именно я должен иметь излишества, а другой полагает, что раз он сильнее, то он должен иметь больше других, и никто в этот момент не думает даже желать другим благосостояния и истинного благоразумия. Если и изменится человек в такой системе, то он станет лишь исключением из общих правил ее закономерностей, но я верю, что чем больше таких исключительных появится людей, тем, возможно, быстрее наступит их мир закономерности, а эгоизм и прочее зло станут исключением.

Аниса Терентьева
г.Костомукша

Коршунова Инна

п. Лоухи

Родилась в 1956 году в пос. Соломенное г. Петрозаводска.

В настоящее время работаю врачом функциональной и ультразвуковой диагностики. Мать двоих взрослых сыновей. Пишу стихи со школьного возраста. Печаталась в районной газете «Коммунист», «Приполярье», республиканской – «Ленинская Правда», в 2000 г. выступила на канале ГТРК «Карелия» с программой «Поэтический театр Инны Коршуновой «Полетай, моя душа».

* * *

**Я женщина. С меня что взять?
Легка, податлива, беспечна,
Порой капризна бессердечно,
Я - женщина. С меня что взять?**

**Живая я. В глазах огонь.
Он то пугает вас, то манит,
То всё откроет, то обманет,
То греет он, то жжёт, лишь тронь.
Живая я, в глазах огонь.**

**Да, я жива ещё пока.
Что завтра будет, то и будет.
И старый друг меня забудет,
И тучей станут облака,
Но буду жить, жива пока.**

* * *

**Белые ветки кустов придорожных.
Чёрные ёлки чуть-чуть в стороне.
Выпала мне крутая дорожка
Ночью морозной при ясной луне.
Страшно и знобко на зимней дороге.
И далеко ещё милый тот дом,
Где наконец-то озявшие ноги
И душу согрею горячим вином.
Там меня встретят ласковой речью,
Свежей постелью да щедрым столом,
Жарко натопленной русской печкой,
Банькой парною с сосновым полком.
И, разомлев от тепла и уюта,
Там задержусь я на несколько дней.
Но время промчится летучей минутой,
И снова в дорогу велит оно мне.**

Рождественская сказка

Бабочка-Снежинка или ВВМ

*Под Рождество смотрю в окно на елочку лахматую.
Она мигает мне огнями и машет хвойной лапой.
Вокруг неё летят с небес снежинки, словно бабочки.
А я сижу, гляжу в окно, на холст ложатся красочки.*

На белом свете живет много-много Волшебников. Они живут среди нас – обычных людей. Что они делают? Творят разные чудеса. Разве вы не встречали чудо? Припомните! Было ли в вашей жизни: «но вдруг...», или «и если бы случайно...», или «и тогда...» или просто безграничный восторг? Ну хотя бы очень маленькое, но непременно чудо? Если нет, тогда мне очень жаль. Но, может быть, вы ещё встретитесь в своей жизни с чудом и поверите в то, что Волшебники живут совсем рядом. А может быть, и сами когда-нибудь совершите чудо и станете Волшебником.

Волшебники, они как и люди, очень разные: толстые и худые, высокие и низкие, красивые и не очень, молодые, пожилые и старые, богатые и бедные, мужского рода и женского, но все они, обязательно, добрые и получают огромное удовольствие от совершаемых ими чудес и от той радости, которую дарят людям, особенно, детям.

Творить чудеса для людей – это обычная работа Волшебников. И наивысшего мастерства в своей профессии Волшебник достигает тогда, когда своим сотворенным чудом удивит Волшебника; когда другой Волшебник изумится и воскликнет: «Вот это Чудо!»

Вы спросите меня: откуда я всё это знаю? Об этом мне рассказал мой знакомый Волшебник и ещё он рассказал мне историю о Волшебниках Высшего Мастерства (ВВМ).

У одного Волшебника была знакомая Волшебница. Они были обычными Волшебниками, давно дружили и часто вместе творили свои волшебства и чудеса. Больше всего им нравилось забавлять чудесами детей. Дети так легко и искренно верят в чудеса и умеют им радоваться, что Волшебникам доставляло большую радость прилежно и добросовестно выполнять свою работу.

Иногда Волшебники устают. Случается это тогда, когда рядом не оказывается ВВМ. Волшебники, которых подолгу никто не удивляет, перестают верить в чудеса, и это может привести к тому, что они теряют свои способности и становятся обычными людьми.

глядя в темно-синее, почти чёрное, небо, глубоко вдохнул холодный воздух и сказал вслух:

- Зима, снег...

Сделав несколько шагов, он остановился и посмотрел в сторону фонарного столба. Волшебник наблюдал за снежинками, которые, сверкая всеми цветами радуги на свету фонаря, медленно кружились в воздухе. Он всегда так делал Зимой. Волшебник вытянул вперёд руку и снежинки, прикоснувшись к его теплой ладони, быстро таяли, превращаясь в капельки воды.

- Я – Волшебник! - печально произнёс он. - Вот, была снежинка, а теперь – капелька воды. Превращение!

Внимание Волшебника привлекла Снежинка размером чуть больше остальных. Да она была и красивее других! Слово танцую, Снежинка, кружась, плавно летела вниз и явно не хотела попасть на ладонь Волшебника. А ему захотелось непременно поймать её и рассмотреть. Волшебник подставлял свою ладонь под снижающуюся Снежинку, а та, в свою очередь, отлетала в сторону то ли под потоком воздуха, то ли сама. Волшебник победил – ослепительно-белая, сверкающая, кружевная, прекрасная Снежинка опустилась ему на ладонь. И в тот же миг Волшебник понял, что все кончилось.

- Что я наделал? Она сейчас растает! – вскрикнул он и хотел отдернуть ладонь, но было слишком поздно. Снежинка уже лежала на его теплой ладони. Волшебник зажмурился. Он не хотел быть свидетелем этого превращения. Он вдруг понял, что собственноручно убил Красоту. Волшебник знал, что когда он откроет глаза, на его ладони от прекрасной Снежинки останется лишь капелька воды. Сердце Волшебника сжалось от боли и тоски, и он, не открывая глаз, прошептал ей:

- Я люблю тебя! Я очень тебя люблю!

Когда Волшебник открыл глаза, на ладони не было капельки воды. Там сидела и покачивала своими тоненькими, прозрачными кружевными крыльшками белая Бабочка-Снежинка. Медленно повернув своими белыми усиками вправо, а потом влево, бабочка вспорхнула и улетела.

- Чудеса! - сказал, улыбаясь, Волшебник. - Зима, бабочки?! Чудеса!

Фаина Вольная,
г. Котка, Финляндия

Так произошло и с моим знакомым Волшебником. Он понял, что начал терять свою волшебную силу и вскоре не сможет совершить ни одного чуда. Случилось это под самое Рождество, когда все Волшебники Высшего Мастерства были заняты Рождественскими хлопотами, придумыванием новых чудес для детворы и взрослых. ВВМ хотели всех порадовать новыми чудесами.

И тогда его знакомая Волшебница, видя, как страдает и грустит её друг, подумала: «Я попробую его удивить и подарить ему чудо». Она знала, что сделать это совсем нелегко. Ведь он сам был Волшебником, и все чудеса уже давно придуманы и по несколько раз использованы!

Зимой Волшебник очень любил разглядывать снежинки. Он любовался их изяществом, правильностью форм, симметрией, ажурным узором и холодным сиянием, как у небесных звездочек.

- Я попробую! - решила Волшебница и, превратившись в снежинку, попросила господина Ветра перенести её в город, где жил её друг Волшебник.

Было морозное раннее утро. Шел снег. Волшебник вышел из подъезда своего дома. По-

Сказки

О жадности

Ехал по дороге мужик. Был он богатый-пребогатый и такой жадный-прежадный, что ни в одной сказке не сказать, ни одним пером не описать.

Вот едет он, едет, конь копытами топ-топ, а мужик глазами хлоп-хлоп и задремал. И привиделся ему чудный сон...

Подъехал будто бы он к сосновому бору, а на опушке цыганские шатры пестрят. Цыгане суетятся, на своем языке бранятся, а потом подходят к чахлой сосне и по-нашему говорят: «Дерево без жил, дай нам птвичьих сил!» Затем обхватывают ствол руками – в черных птиц превращаются и на сосновые ветви усаживаются.

Мужик-то и во сне олухом не был, как наяву наживу чуял, - тоже так сделал и кукушкой серой стал.

Конь тихо идет, не спотыкается, а сон продолжается...

Поднялась вдруг птвичья стая под облака и кукушка тоже. Долетели они до рыжей горы, опустились у серебристого родника. Начали черные птицы в клювы воды набирать и поодаль в яму выливать. А кукушка приглядывает и замечает – упадет на дно капелька не простой водицей, а драгоценным камушком: то алмазом сияющим, то жемчугом сверкающим.

Жадинка наш спать – спит, а думать – думает, как ему те богатства заграбастать.

Вдруг конь споткнулся, мужик проснулся и видит – сосновый бор и дерево чахлое точь-в-точь, как в его сне стоит, только цыган не видать.

Ну, думает он, если бор есть, сосна здесь, значит, за рыжей горой сокровища его ждут-ждождождождо. Повернул он коня в ту сторону.

Долго ли, коротко ли ехал - кто его знает. Добрался до рыжей горы, разыскал родничок и яму недалеко обнаружил. Заглянул туда, а на дне светом светятся сапфиры-яхонты, блеском блестит злато-серебро.

Мужик с радости великой стол коленца выкидывать, плясать, значит. «Сон - в руку, богатства – за пазуху!» – голосит да никак не успокоится.

Вскоре устал, орать перестал, решил из родника испить. Тут опять свое виденье вспомнил, набрал в пригоршню воды холодной и в яму выплеснул. Глянь-поглянь, а на дне добра-то прибавилось.

Снял он тогда с головы шапку, и давай ею воду в яму носить. До седьмого поту трудился, охота жадному яму доверху наполнить.

Сел передохнуть, поразмыслил чуток и начал от родника к яме канавку копать.

Хлынула вода самотеком, - вышло богатство боком!

Мужик с жадности одурел совсем – нырнул в сокровища с головой да не вынырнул. Утоп, видать...

Светлана Скрязина
г. Москва

Чудо Гороховое

Жило-было на свете Чудо Гороховое. Оно и само не знало, откуда произрастало или смастерил кто. Если и смастерил кто, то тому руки-поганки поотрывать не жаль, потому что у Чуды – печаль. Уж так оно неказисто, уж так уродливо, что если на бумаге Чудин портрет нарисовать, - листок тот в первой луже со сраму утопится или сам в огонь прыгнет.

Телом оно – кособокое-одноногое, криворукое-одноглазое. Голосом – скрипуче-тянучее, нравом – кроткое, а долей – невезучее...

Жило оно, жило, друзей-семьи не нажило. Бегут от Чуды Горохового во все пятки - кто в страхе большом, кто в радости великой. И ужас оно нагоняло, и удовольствия доставляло. Потешаются над ним те красавицы, от коих зеркала шарахаются, и говорят, дескать, уж на что мы – страшили, а этот шут гороховый поуродливей нас будет.

Вот так... Ни дома у него, ни избенки, ни захудалой какой козы-коровенки. Спало, где придется, ело, что попало, когда перепало. Одним словом – мыкалось...

Забрело оно как-то в лес – одолели его люди, задразнили-затюкали, решило Гороховое в звери записаться. Авось волком возьмут, думает. Страшнее волка зверя нет!

Разыскало оно в чащобе волчью стаю и ну вожаку в жилетку плакаться. Заглавный волчара горю посочувствовал, а про себя покумекал – выгоду поймет можно. Волков-то ноги кормят, догнал – съел, а такому пригожему молодцу и бегать далеко не надо. Притаился под кустом, высочил перед дичью – она сама от страха или от смеха на месте околеет. «Хорошо, - говорит вожак, - беру тебя зверем!»

Поставил он Чудо Гороховое перед зелеными глазами всей своей стаи и объявил: «Вот вам новый породы зверь, - товарищ и друг. Прошу любить и жаловать!»

Чудо на радостях давай кланяться, реверансы выделывать, рот раскрыло – приветы свои скрипуче-тянучие выпустило.

Тут как начали волки смеяться, по зеленой травке кататься, так через неделю не закончили. Главарь от ужасов Чудовых завалился от хохота в осоку, ни встать ни

сесть, ни попить ни поесть. Чуть с голоду не помер!

Чудилку прогнали, иди, мол, своей дорогой, а нас волков – не трогай.

Пригорюнилось Гороховое: в хищные птицы ему не записаться, чай не сокол, летать не умеет. В змеи и прописаться нечего, какой из Чуды ползун? Убежать бы, думает, в такие дали, где б меня не видали и не слышали.

Огляделось оно вокруг, и видит; поле подсолнуховое, большое-пребольшое. Залезло Чудо в самую середину, мол, отсюда меня не видать-не слышать. Вроде тут ему самое место.

День живет, два живет, неделю живет. Хорошо!

Стало семя вызревать, повадились воры поле навещать. Налетели галки-вороны и давай клевать, Чудо углядели – от страха еле уцелели.

Прожило Чудо среди подсолнухов все лето, а осенью ему - отрада, от хозяина поля награда. Тот ему шляпу соломенную дал, добрыми словами угождал и зимой дом сторожить звал.

Так Чудово уродство пользой обернулось. Каким бы не родился - всяк в жизни пригодился.

У меня в огороде Чудо Гороховое тоже стоит, на мир глядит, ничего не говорит. А я все рассказывала, эту сказку написала. Где - правда, где - ложь, сам поймешь.

Светлана Скрязина
г. Москва

Пишет сказки для детей, пьесы, стихи для взрослых. Есть сборники. Часть сказок звучала на канале «Радио России». Издавалась 3-4 книжки. Читали ее стихи и сказки по радио. не только в России, но и в Финляндии, и в Китае.

Белянчик

Конец августа в этом году выдался на удивление тёплым и солнечным. Утром случались туманы, но к полудню небо очищалось, и уже по-осеннему неяркое солнце ласково грело наш маленький город.

В один из таких дней я оказалась на тенистой лужайке возле супермаркета «Славяне». Дочь и внучек ушли за покупками, а я поджидала их в тени низкорослых, но пышнокронных деревьев и наблюдала за жизнью улицы: авось что-нибудь интересненькое попадётся на глаза. Известно – улица полна неожиданностей...

И вот оно! Совсем не зря стояла я на этой зелёной лужайке: я увидела чудо!

Откуда-то сверху вдруг свалилась мне под ноги громкоголосая стайка воробьёв. Маленькие птички почти утопали в зелёном ласковом море. Они юрко двигались, оживлённо переговаривались: «Чик-чирик! Чирик-чирик!» Всё как всегда. Но нет! Мой изумлённый взгляд выхватил из этой гомонящей птичьей толпы совершенно белого воробышка! Альбинос! Впервые в жизни я видела белого, как снег, воробья!

Сперва я подумала – цыплёнок! Не-ет, это был настоящий воробей. Он весело прыгал в середине стайки, живо вертел головой и громко щебетал. Его сотоварищи клевали семена подорожника и других газонных трав, вроде бы не обращая внимания на белого прыгунчика. Птички были так увлечены своим делом, что совсем не замечали прохожих. А

люди останавливались и удивлённо говорили друг другу: «Смотри-ка, белый воробей!»

Да, диковинка! Я внимательно следила за поведением воробьёв. Белянчик (так мысленно я «окрестила» белого воробышка) вертелся и крутился в разные стороны. Я разглядела, что кончики его крыльев и хвост были слегка окрашены в какой-то неопределённый желтовато-оранжевый цвет. Словно кто-то, играя, едва коснулся белых пёрышек тоненькой кисточкой. На самом темени тоже была еле приметная желтоватая наплёпка. Он шнырял по траве туда-сюда, туда-сюда! Он был неутомим.

- Интересно, кто это – петушок или курочка? – подумалось мне вдруг. И тут же я убедилась: петушок!

Какой-то сосед-воробей, серый, с коричневыми бочками, обычный горожанин, решил, видимо, отобрать у Белянчика поживку и стал теснить его, боком отжимая с места. Уж кажется, всем известно: если ты не такой, как все, то уступи и помалкивай в тряпочку! Так нет же! Белый воробышек вдруг весь нахохлился, превратился в круглый белый шарик и кинулся на обидчика, защищая свою собственность! Храбрец! Но это было совсем неожиданно...

Стоявший на противоположной стороне лужайки мужчина, наблюдавший, как и я, за воробьями, засмеялся и сказал:

- Во, молоток! Не гляди, что в белой рубашке, зато хватские замашки!

Белянчик отбил, вероятно, свою добычу, потому что обидчик отлетел на пару шагов в

сторону. Но тут же вернулся. И не один! К белому воробью подлетели три – четыре серых птички и затеяли было драку, обступив его со всех сторон. Они хорохорились и отчаянно чирикали. Но тут проходящая мимо девочка лет десяти взмахнула на стайку сумкой: «Кыш, вы!» И птицы взметнулись ввысь.

Я проводила их взглядом и подумала: «Да, малыш! Ты храбрый, красивый, но ты одинокий. Потому что не такой, как все... Тебе будет трудно. Но, пожалуйста, выживи, выведи детей. Белых, не похожих на привычную серость. Жизнь становится ярче, интереснее, когда природа расцветит её белой вороной, белым воробьём, чёрным лебедем, талантливым человеком... Жизнь вопреки – это подвиг!»

Я ещё раз увидела Белянчика у автобусной остановки. Он клевал семечки вместе с голубями, которые швыряла им женщина с дачной корзиной в руках.

- Ну вот, ты уже один, - подумала я. - Держись, дорогой! Собратья покинули тебя? Ну и пусть! О них забудут, а о тебе будут помнить все, кто видел тебя хоть раз».

Октябрьским снежным днём маленький мальчик с папой повесили на сосну кормушку для Белянчика и для белочки. Авось, он прилетит и полакомится дарами добрых людей, которые уже приметили кормушку и, проходя мимо, оставляют крошки и семечки для птиц и белок.

Прилетай, Белянчик! Вопреки всему...
Валентина Смирнова

Валентина Смирнова

* * *

С утра мела метель,
 Качая кроны сосен.
 Безумно белый снег...
 Безумно серый день...
 Но ветер вдруг затих,
 Открывши неба просинь,
 И на рябину сел
 Хохлатый свиститель.

Осень

Г. И. Еришовой

Красотка Осень! Снова ты пришла
 Напомнить нам о бренности живого.
 Я в скорбной красоте твоей нашла
 Всё, что люблю. Но уж не для меня
 Сияет по-апрельски неба просинь.
 Я тихо шевелю листки календаря,
 Шуршащие, как лист опавший,
 Осень!
 Не надо грусти! В золото одень
 Поля и рощи, все лесные пади,
 Закутай паутиной елей пряди,
 Рябиной алой расцвети свой день.
 Посеребри кусты холодною росой,
 На мхи седые брось багряный лист.
 И старый пруд с уснувшего водою
 Вдруг станет тёмным и зеркально чист.

Олена Пархоменко

* * *

Я мрію про щастя
 В далекій країні.
 Ця мрія мене
 За собою веде.

Неначе маяк
 Серед моря, в пучині,
 На світло надії
 Й любові зове.

Привіт Україні

Рідна земле – Україно,
 В серці ти моїм завжди.
 Ти з Росією єдина,
 Наче рідних дві сестри.

Ти мене колись ростила,
 Шанувала, берегла,
 Як дитя своє, кохала.
 Божий дар мені дала.

Я тебе кохаю щиро,
 Рідна матінко моя!
 Шлю любовь свою і вірю,
 Що прокинешся від сна.

Тетяна В'южна

Матері

„Мамо” – знайоме з дитинства,
 „Мамо” – зігріте теплом,
 Ніжне, ласкаве і чисте
 Слово – вся радість у ньому.

З ним засинає дитя,
 Ранком прокинеться: „Мамо!”
 Рідна така, дорога
 Завжди ти поруч із нами.

Нам у біді допоможеш,
 Добру пораду даси.
 Не клопотатись не можеш,
 Всіх навчаєш краси.

Руки твої запашні
 Вдень відпочинку не знають,

Навіть вони уві сні
 Втому і біль нам знімають.

І колискові твої,
 Сонцем наліті пісні,
 Часом, як ті журавлі,
 Линуть до нас навесні.

І у далеких краю
 Ця зігриває любов:
 Рідною матір свою
 Згадаєм знову і знов.

Осінь

Смарагдовий світанок
 Зайнявся на зорі,
 Яскраво-жовтий ранок
 Всміхнувся на землі.

І отсвіт горобиний
 Колише вітерець.
 А клекіт журавлиний –
 Відлуння їх сердець.

І плачуть верби-лози
 Ранковою порою.
 Ідуть уже морози,
 Зима не за горой.

Зустріч

Тихо падає лист,
 Осінь чари снує...
 Двоє стрілись колись,
 Де ключом вода б'є.

Їх стежинки звели.
 Зорі падали вслід...
 Буйним квітом цвіли
 Почуття, мов привіт.

Збігли роки – вода,
 Як веселий струмок.
 Поруч щастя, біда
 Йшли, неначе танок.

Двоє згадують знов
 Незабутні літа.
 Тільки чиста любов,
 Як колись, молода.

От редакції

Слова и дела

В декабрьском номере была напечатана статья «Святая сила и нечистая сила», которая вызвала неоднозначные отклики. Самые категоричные критики, не смогли представить своих четких позиций к теме, затронутой в статье, и в толковании Святого Духа, но пытались советовать авторам этой статьи заняться исследованием неких книг, в том числе и Еврейской Библии. Хочется и нам, в свою очередь, посоветовать таким критикам прочесть внимательно эту же Еврейскую Библию, из которой и были представлены правила определений и толкования Святого Духа.

Что касается определения Николая Кровавого нечистой силы, так это можно четко определить по фактам его слов и последующих дел или бездействия.

Возьмем его коронацию, где для собраний радостной народной массовки по этому поводу обещались добротные подарки, но на Ходынском поле произошла массовая трагедия. Уже тогда народная молва, соотнеся заверения в добром знаке, получила трагедию и определила его кровавым мессией или антихристом. Чтобы избежать этого, дворцовые советники попросили Николая дать отставку его родственнику, который должен был следить за порядком, но бездейственно отнесся к своим прямым обязанностям. Однако Николай Кровавый, презирая народ, дал понять, что кровные отношения служат любым оправданиям, что сразу же определило его «Красным драконом» в стилистическом символизме Боговдохновенных писаний. Более того, этим он подвел весь свой род под линию зла!

Можно взять и его отречение от христианства в контексте царя, ибо Христос – это царь. Наверное, стоит напомнить,

что сын плотника Иисус не отрекся от Христианства, и был казнен как Царь Иудейский! Почему не отрекся? Так сам от себя же человек не может отречься и отпасть, если он не желает обращаться в нечто иное! Доказательства нечистоты Николая II имеются во всем - от формирования и покровительства черносотенных обществ и воинствующей национальной идеологии в войсках до позора всего его рода, когда невежественный мужик Распутин легко дурил его и, по сути, командовал в его семье. Хотя для здравомыслящих людей, думаем, этого уже более, чем достаточно!

